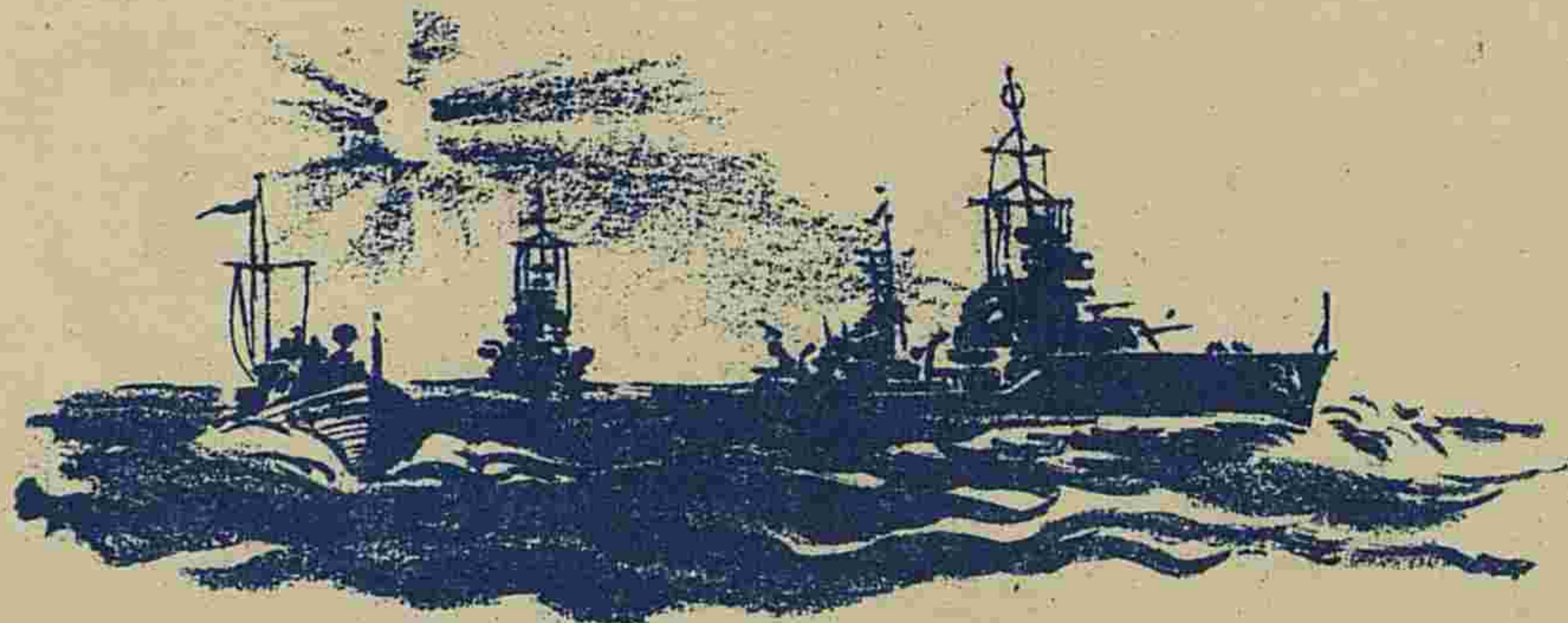

13-305 211
2-8 | 1942-7/8

К О С Т Ё Р

7-8

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Больше двух столетий поколения русских моряков защищают на Балтике честь и достоинство своей родины, оберегают прекрасный город, заложенный Петром I.

Кто перечислит все подвиги балтийцев, совершенные за эти долгие десятки лет?

Здесь, у берегов Балтики зародилась слава русского флота; отсюда, с Балтики выходили смелые, мужественные моряки и несли свои боевые традиции в другие моря. И наш народ помнит и любит своих моряков, стойких и храбрых, на всех морях громивших неприятеля.

Но в истории нашей родины нередко случалось так, что интересы народа, интересы страны требовали помощи моряков сухопутным войскам. И тогда моряки сходили на землю и дрались здесь так же упорно, с такой же отвагой, как и на море.

Так было в XVIII веке, в битве при Гангуте, так было, когда русские прошли с востока на запад всю Италию и овладели Неаполем, побывали в Риме. Так было в отечественную войну 1812 года, когда батальоны морской гвардии начали свой блистательный путь под Москвой, а закончили его в Париже.

Какой беззаветный героизм проявили русские моряки во время Севастопольской обороны. Это они шли с песнями на самые опасные бастионы, где каждую секунду их подстерегала смерть.

Они, русские моряки, первыми стали под знамена Великой Октябрьской революции и шли туда, где требовалась тройная смелость. На всех фронтах, окружавших тогда молодую советскую республику, сражались моряки.

Это они, балтийцы, вместе с рабочими отстаивали город Ленина от полчищ белогвардейцев в 1919 году.

Сейчас, как и в былые дни, русские моряки идут в пламень и грохот боев Великой отечественной войны. На море они уничтожают вражеские военные корабли и транспорты. На суше моряки — морская пехота показали себя умелыми, отличными автоматчиками, минометчиками, артиллеристами, связистами, разведчиками и истребителями. Они умеют уничтожать и уничтожают подлых фашистских захватчиков. Моряки не просто овладели сухопутным оружием, но овладели им мастерски, в совершенстве.

В борьбе с морской стихией, штормами, ветрами, в сложной работе на корабле закаляется воля моряка, вырабатываются выносливость, стойкость, хладнокровие.

Вот почему пехотинцы Балтики воюют с великой стойкостью, смело и мужественно, с яркой ненавистью к врагу.

п 29

41

КОСТЁР

7-8

ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ * ЦЕ ВЛКОМ * 1942 * ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

Ненависть

В. ЛИФШИЦ

Немец — это паук. Простится
Сорок тысяч тебе грехов,
Если штык твой, шипя, вонзится
В тело немца, в мешок потрохов! . . .
Немец прет — поджигать и хватать,
Занести над ребенком плеть . . .
Ненависть — значит оттяпать
Лапу, лезущую к нам в клеть!

рис. С. Мочалова

Ненависть врага — значит драться:
Если ты пехотинец — напасть!
Если летчик — на цель прорваться!
Если снайпер — попасть, попасть!
Ненависть врага — не значит
Проклинать, возмущаться, клеймить . . .
От проклятий фашист не заплачет . . .
Ненависть — значит убить!

Мальчик из Севастополя

Е. БОРОНИНА

рис. Н. Петровой

Во дворе дома, искалеченного снарядом, играл мальчик. Он сидел на куче песка, перемешанного с кирпичным щебнем и кусками штукатурки и деловито строил какие-то укрепления, траншеи. Мальчик разговаривал, за отсутствием слушателей, сам с собою.

— А вот это будет наше Черное море! — сказал он, разравнивая лопаткой песок вокруг своих построек. Подумав чуточку, он пальцем прочертил на ровной песчаной поверхности несколько зигзагообразных линий.

— А это волны на море.

Мальчик поднял несколько осколков стекла и положил их прямо на „Черное море“. Ведь Черное море так чудесно сияло в летние солнечные дни.

Мальчик с удовлетворением оглядел свое произведение. Да, его Черное море сверкало и под ленинградским небом: солнечные лучи заиграли в осколках стекла.

Он приехал с мамой из Севастополя год тому назад. И папа тоже должен был приехать вслед за ними. Но началась война и папа остался там, в Севастополе, на своем корабле.

Папа был самый главный инженер на корабле и всегда очень много работал. И за это папа получил орден Знак почета.

Мальчик разыскал в куче мусора несколько щепок, дранок из-под штукатурки, и пустил их плавать по Черному морю. Про

самую большую щепку он сказал: „А это папин корабль“, и поставил корабль носом к земле.

Во дворе никого не было. Неделю тому назад в дом попал восьмидюймовый снаряд и разрушил квартиры в трех этажах. Почти все жильцы выехали. Ребят во дворе не было. А взрослые, те которые жили еще в доме, никакого внимания на кучи песка и мусора не обращали. Конечно, они обратили бы внимание, если бы только узнали, что это не просто куча песка и кирпичных обломков, а прекрасные Крымские горы, и все эти кусочки белой штукатурки на склоне гор — это дома. Ведь там, в Севастополе, дома были белые-белые.

Мальчик нахмурился, лицо его стало серьезным. Он встал, поднял большой обломок кирпича и бросил его прямо в дома.

— Бах! Бах! — крикнул он, — фугасная!

Потом, подражая гулу самолета, обежал двор и вернулся к своему Севастополю.

— По фашистскому самолету — огонь! — скомандовал он. — Бах! Бах! Ура! Сбили! — радостно закричал мальчик.

Из окна первого этажа с вывороченными рамами послышался хриплый бой часов.

— Раз, два, три, четыре! — сосчитал мальчик. — Мама скоро вернется из школы.

Пора было идти домой, посмотреть, что делает бабушка. Она такая старая и слабая. Совсем не может спускаться по лестнице. Когда бывает обстрел или воздушная тре-

вога, она никуда не уходит из квартиры. А вот осенью бабушка всегда ходила в бомбоубежище. Сколько часов она там просидела. Прямо не сосчитать. Когда близко падали бомбы весь дом подпрыгивал будто резиновый.

Какая была холодная зима. Бр! Так не хотелось вылезать из-под одеяла по утрам.

Теперь летом совсем другое дело. Жарко, как в Севастополе (только небо там гораздо синее). И в квартире у них стало совсем тепло, хотя стекла выбиты. Это ничего, что выбиты. Похоже, что живешь на палубе.

Все-таки, пожалуй, было пора забежать домой, посмотреть, как там бабушка.

Через несколько минут мальчик вернулся во двор. С бабушкой все было в порядке. А в руках у него был маленький красный флажок. Этот флажок подарил ему папа, еще там, в Севастополе.

Мальчик воткнул флажок в вершину песчаной кучи. Порыв ветра взметнул над его Севастополем алый четырехугольник с золотым серпом и молотом.

В светлой голубой выси пронеслось звено истребителей, где-то далеко стрельнула зенитка, за ней вторая, третья. Снова стало тихо.

Часы в первом этаже хрипло пробили один раз. „Полпятого. Мама сейчас придет“.

Какая мама была грустная последние дни и встревоженная. Она так беспокоится о папе. Все ждет телеграмму. А вот в прошлую субботу, нет не в прошлую, а в позапрошлую мама сказала ему, когда он проснулся: „Сережа! Севастополь больше не наш. Фашисты взяли его“. И потом мама очень плакала и бабушка тоже. Когда мама уходила в то утро в школу она на прощанье сказала: „Ничего, мальчик, мы вернем наш Севастополь обратно. Они его разрушили, а мы построим опять“.

Скорей бы мама пришла. Он покажет ей сегодня свой Севастополь. Его немцам ни за что не взять! Папин корабль так будет стрелять, так стрелять...

Мальчик пододвинул щепочку, изображавшую папин корабль, ближе к берегу.

— Всем батареям правого борта бить по врагу! — строго сказал он. — Огонь! Огонь!

И воображаемые враги, страшные чудовища, осаждавшие его Севастополь, падали, гибли, умирали под снарядами с папиного корабля.

Хорошо, если бы папа был здесь, в Ленинграде. Папа взял бы его на свой корабль и показал бы машины и пушки.

А то вот рядом на Неве стоит — большущий, серый, а пойти туда нельзя. Один раз он хотел прошмыгнуть на корабль, но

краснофлотцы не пустили, сказали, что на военное судно посторонним ходить нельзя. А какой же он посторонний, когда его папа моряк и защитник Севастополя!

Над домом просвистел снаряд. Где-то поблизости послышался грохот разрыва. Потом опять свист, тонкий, звенящий. Снова разрыв. „Обстрел района!“

Мальчик не двинулся с места. Он только невольно вздрагивал, когда раздавался взрыв, похожий на сильный раскат грома. „Ну, вот, мама задержится. Сейчас нельзя ходить по улицам“. И он опять стал думать о Севастополе.

„Неужели фашисты живут в том самом доме, где он жил вместе с папой и мамой, в той же самой квартире?..“ Ему хотелось заплакать от обиды, но очень простая мысль утешила его. Ведь все дома в городе разрушены, он слышал как об этом говорили по радио, а раз все дома разрушены, значит, немцам теперь негде жить. „А вдруг и в Ленинграде тоже ничего не останется, ни одного, ни одного дома. Ничего, кроме руин, а руины, как объяснила ему мама, это значит развалины“.

Мальчик упрямо мотнул головой. „Как же так? Нет, нет, это невозможно. Ведь Севастополь маленький, а Ленинград такой большой, в сто раз больше Севастополя. Конечно, в сто раз. А немцы стреляли по Севастополю целых восемь месяцев. Значит, для того, чтобы превратить Ленинград в руины нужно стрелять в сто раз дольше. Сколько же это будет? В уме никак не сосчитать“. Он написал щепочкой на песке цифру „8“, крестик, (знак умножения), цифру „100“ и поставил знак равенства. Мальчик долго шептал что-то про себя, морщил лоб, сгибал и отгибал пальцы и, наконец, справился с задачей: „800“ — написал он.

— Вот немцы глупые! — со смехом сказал он.

Обстрел района прекратился. Только где-то в выси, за легкими облаками, то гудел, как шмель, то замирал воздушный дозорный осажденного города.

Мальчик вышел со двора на улицу. Не идет ли мама? Но мамы не было видно, а у ворот стоял загорелый моряк с двумя золотыми нашивками на рукавах и разглядывал номер дома.

— Это дом десять? — спросил он.

— Десять. А вам какую квартиру?

— Квартиру шесть.

— Шесть! Это наша квартира. Вы, наверное, к маме. Она сейчас придет.

Да, моряку была нужна именно его мама и он обязательно ее дождется.

— А ты — Сережа? — спросил моряк и по-

чему-то нахмурился и даже отвернулся, как будто ему было неловко перед мальчиком.

— Пойдемте, пожалуйста, во двор, — предложил мальчик. Ему очень нравился этот загорелый, коренастый человек.

— А это что такое? — спросил моряк, показывая на кучу песка с красным флажком на вершине.

— Это Севастополь! — и мальчик хотел уже рассказать про все, но как раз в это время пришла мама.

Моряк отдал маме честь и крепко-крепко пожал ей руку.

— Я из Севастополя! — сказал он и как-то очень внимательно посмотрел на маму.

Мама стала вдруг бледная, и губы у нее задрожали.

— Он убит? — спросила она, и Сережа сразу понял, что мама спрашивает о папе.

Моряк наклонил голову, потом обнял маму и поцеловал ее.

— Так просил меня Николай Петрович! — тихо-тихо сказал он. — И сына тоже велел поцеловать.

Папин друг поднял Сережу на руки и поцеловал прямо в губы.

Потом они все трое сели на песок около его „Севастополя“ и долго молчали. Мама не плакала, только лицо у нее очень похудело.

И папин друг рассказал, что сержин папа со всем экипажем своего корабля целый месяц сражался за Севастополь на суше и вел себя как герой. В последний день, когда фашисты уже заняли почти весь город, он три раза водил свой морской батальон в атаку и каждый раз немцы убежали от папиных черноморцев. Папу сильно ранило в левую руку. Краснофлотцы хотели увести папу, но он все равно остался. А потом самый главный начальник Севастопольской обороны прислал папе приказ, чтобы папин батальон и сам папа садились на корабль и уходили из города.

И вот, перед тем как уйти с суши на корабль, папа вынул свой портсигар, роз-

дал все папиросы краснофлотцам, а сам нагнулся и здоровой рукой набрал горсть земли и положил эту землю в портсигар. Потом папа встал на камень и сказал:

„Товарищи черноморцы, мои дорогие друзья. Мы сражались за этот город двести пятьдесят дней. Сегодня мы уходим отсюда. Но мы уходим ненадолго. Мы вернемся в этот город. И я положу эту горсточку севастопольской земли, — папа показал на свой портсигар, — вот здесь же, подле этого самого камня, на котором я стою перед вами. Если меня не будет на свете — пусть кто-нибудь из вас вернет эту горсть земли моему родному городу, городу, чья слава будет бессмертна в веках!“

И тогда краснофлотцы, весь папин батальон, выстрелили в последний раз из своих винтовок по фашистам и крикнули: „Клянемся, командир, мы вернем эту землю обратно!“ А потом все они и папа сели на корабль и поплыли по Черному морю. Когда отплыли уже далеко от Севастополя, на корабль накинuloсь шестнадцать „Юнкерсов“ и стали бросать бомбы. Одна ударила в корму, и папа Сережи был убит осколком.

Папин друг замолчал и достал из левого кармана кителя кожаный, черный портсигар.

Сережа сразу узнал папин портсигар с красной рубиновой звездочкой на уголке.

Мама взяла портсигар и долго-долго смотрела на него, потом она открыла его и потрогала пальцами сухую серую землю с желтыми песчинками.

— Мамочка! — сказал Сережа. — Дай мне на минутку папин портсигар.

Мальчик вытащил из вершины песчаной кучи флажок, осторожно вдавил в это же самое место портсигар и воткнул древко флажка в драгоценную горсть папиной севастопольской земли.

И маленькое алое полотнище с золотым серпом и молотом снова взметнулось под порывом балтийского ветра над Севастополем, над его и папиным Севастополем.

А. РЕЛЬМАН

В дни великой отечественной войны мы часто вспоминаем имя генерала Алексея Алексеевича Брусилова.

Талантливый, решительный и энергичный генерал Брусиллов остался в памяти народа как один из лучших полководцев мировой империалистической войны 1914—1918 годов.

Это он задумал и блестяще осуществил прорыв австро-германских войск в 1916 году. Этот смелый, решительно подготовленный прорыв отразился на всем ходе мировой войны.

Алексей Алексеевич Брусиллов родился 19 августа 1853 года в Тифлисе в семье генерал-лейтенанта. Шести лет от роду он осиротел и его стала воспитывать тетка.

Быть может, в доме тетки, где собирались писатели, художники, музыканты, молодой Брусиллов научился любить свою страну, слыша разговоры о героях Кавказских войн. Быть может, это произошло позже в Петербурге, когда Брусиллов, воспитанник Пажеского корпуса, в доме одного своего родственника встречался с такими писателями, как Достоевский и Григорович — автор «Антон Горемыки». Эта повесть тогда всколыхнула все передовое русское общество.

В корпусе молодой Брусиллов много и серьезно занимался. Он помнил завет Суворова: «За ученого—трех неученых дают». И, готовясь к карьере военного, Брусиллов усердно изучал языки, и общие предметы, и специальные, военные.

Война 1877—1878 годов — первое боевое испытание молодого поручика Брусилова. Он выдерживает его с честью. На Кавказе, во главе небольшого отряда Брусиллов переправляется через реку Арапчай и вынуждает противника сдаться в плен.

Но сам Брусиллов понимает, как много надобно ему еще учиться. Позже, в Петербурге, будучи начальником офицерской кавалерийской школы он записывает:

«Все эти кавалерийские интересы не поглотили меня всецело. Я читал военные журналы, множество книг военных специалистов, русских и иностранных, и всю жизнь готовился к боевому делу, чувствуя, что могу и должен быть полезен русской армии не только в теории, но и на практике».

Эти слова Брусилова роднят его с Суворовым. Великий полководец говорил: «Никакой баталии выиграть в кабинете не можно, и теория без практики мертва». «В кабинете врут, а в поле бьют».

Но Брусилова роднит с Суворовым и другое: вера в русского солдата, в его силу. «На солдат, — говорил Брусиллов, — я смотрел, как на свою семью». Вот какой случай произошел в 1909 году в городе Люблине, недалеко от русско-германской границы, где Брусиллов находился вместе со своим корпусом.

Однажды, у входа в сад, Брусиллов прочел такое объявление: «Низшим чинам и собакам вход воспрещен». Брусиллов рассердился и ушел, хотя очень любил прогуливаться в этом парке. В тот же день он издал приказ, запрещающий всем генералам и офицерам его корпуса входить в этот сад. Ставить на один уровень солдат и собак — этого Брусиллов никак не мог допустить. После этого случая губернатор объявление снял и еще извинился перед Брусилловым за оскорбление, нанесенное солдатам люблинского гарнизона.

В Европе уже понимали, что Германия поспешно готовится к войне. В это время Брусиллов перевелся в Варшаву; он был назначен помощником командующего войсками Варшавского военного округа.

Что ж он нашел в Варшаве? Все ответственные места занимали немцы: помощник генерал-губернатора, губернатор, вице-губернатор, обер-полицеймейстер, начальник жандармов, управляющий конторой государственного банка, прокурор и много других. Брусиллов нашел это недопустимым, и как истый патриот он написал об этом военному министру. Но в Петербурге на предупреждение Брусилова никто не обратил внимания. Что было делать Брусиллову? Он попросил, чтобы его перевели в другой округ. Эту просьбу «уважили». Так, накануне войны, Брусиллов был назначен корпусным командиром в город Винницу Киевской губернии, недалеко от русско-австрийской границы.

Летом 1914 года, Брусиллов с женой лечились в немецком курорте Киссингене. Примерно за месяц до войны в парке было устроено гулянье. И парк, и окрестные горы были убраны флагами, гирляндами и транспарантами. На главной площади, среди цветников, были построены декорации, изображавшие московский Кремль, с церквями, башнями. Под звуки русского гимна начался фейерверк. Но вскоре он с треском, напоминая пушечную пальбу, стал рассыпать искры и огни, и поджог все постройки Кремля. Декорации вспыхнули и упали. Когда последняя стена пала, загремел немецкий национальный гимн. Немцы неистово аплодировали и кричали.

— Так вот в чем дело! Вот чего им хочется! — воскликнула жена Брусилова. Но в это время раздался веселый громкий голос какого-то русского, влезшего на стул: «... проклятые, а вы забыли, как русские казаки Берлин спасали?» — «Да, — рассказывает Брусиллов, — подумалось мне, основательно забыли, и не только это, но и многое другое и забыли, и не учли. Но чья возьмет?»

Разразилась война. Брусиллов считал себя одним из самых подготовленных русских полководцев своего времени. Ведь всю свою жизнь он посвятил военному делу, все свои силы и знания отдавал

подготовке войск к войне. Ему хотелось проверить свои взгляды и знания на деле.

В начале войны Брусилов сосредоточил свою 8-ю армию на австрийской границе, против большой австро-венгерской армии. Побеждает тот, кто наступает, считал Брусилов, кто знает приемы и тактику врага, кто действует быстро, решительно и обдуманно. Так именно и поступил Брусилов. И он верил в успех того, что задумал. И эта вера придавала ему спокойствие и уверенность. И он добивался победы.

Брусилов верил в русского солдата. Он знал какая это огромная сила. От каждого офицера он требовал, чтобы тот умело руководил солдатами своего подразделения. „Хорош только тот офицер, — повторял он слова Петра I, — который знает с фундамента солдатское дело“. Брусилов требовал сознательной дисциплины, но не палочной муштры. „А для малодушных, сдающихся в плен или оставляющих строй, не должно быть пощады“, — говорил Брусилов. Вообще какое бы то ни было проявление трусости вызывало всегда суровое осуждение Брусилова...

В первом же столкновении с неприятелем армия Брусилова разбила австрийскую дивизию и перешла в наступление. Наступая, русские перешли границу и, отбросив австрийцев, захватили много пленных и орудий. Через три недели после начала войны австрийцы были разгромлены и, понеся большие потери, в беспорядке отступили. После нескольких непродолжительных сражений, в которых армия Брусилова прославилась своей доблестью, а он сам проявил себя как талантливый полководец, армия Брусилова взяла города Львов, Галич, и крепость Перемышль. Тогда австрийцы обратились за помощью к Германии. На австрийский фронт немцы перебросили огромную, хорошо снаряженную армию. В это же время выяснилось, что царское правительство не снабдило свою армию боеприпасами и Брусилову пришлось оттянуть свои войска.

Настал 1916 год. На Западе происходили ожесточенные бои, под Верденом. Положение союзников было тяжелое: гибли сотни тысяч людей, расходовались огромные количества боеприпасов. Но изменить хода войны сами союзники не могли. Они требовали от России немедленной помощи — немедленного наступления.

1-го апреля 1916 года в русской ставке в Могилеве открылось военное совещание. Большинство генералов отказалось наступать, советуя выждать „более благоприятного времени“. И только генерал Брусилов, вновь назначенный главнокомандующим юго-западным фронтом, настойчиво требовал наступления. Он утверждал, что у России есть все основания добиться победы, стоит лишь навалиться на неприятеля сразу всеми фронтами. Брусилов хорошо знал друзей и врагов своей родины и он охранял ее интересы. Помочь союзникам, значило изменить ход войны, значило добиваться победы.

Но другие генералы не думали о пользе России, они заботились только о себе. Зачем рисковать своей будущностью, считали они.

„Я о своей личной пользе не мечтаю, — ответил Брусилов одному из генералов, — и решительно ничего для себя не ищю, но считаю долгом совести и чести действовать на пользу России, поскольку я ее понимаю“. Этот ответ напоминает нам слова Суворова: „Доброе имя должно быть у каждого человека, лично я видел это доброе имя в славе своего отечества; мои успехи имели исключительно целью его благоденствие“.

Мнение Брусилова восторжествовало. Решено было наступать по всему фронту. Началась подготовка наступления. На всех участках, а их было

около тридцати, начали земляные работы, чтобы сблизиться с неприятелем. Артиллеристы тем временем разрабатывали свой план артиллерийского обстрела врага, чтобы сразу заставить умолкнуть неприятельские пушки и пулеметы. У врага было больше людей и боеприпасов, но Брусилов знал: ни один снаряд не должен пропасть даром. План Брусилова — наступление всем фронтом — был удобен тем, что неприятель не мог определить где предполагалось нанести основной удар. Наступление готовили в строжайшей тайне, и когда даже царица — она недолюбливала Брусилова — спросила, когда он думает перейти в наступление, Брусилов ответил, что эти сведения настолько секретны, что он сам их не помнит.

И вот 22-го мая 1916 года началось наступление по всему юго-западному фронту, которое привело к знаменитому „Брусиловскому прорыву“. Смерч огня обрушился на неприятельские окопы, блиндажи, пушки. Русская артиллерия громила наблюдательные пункты врага, ослепляя его. И когда русские пошли в атаку, австро-германской армии не было — это были оглушенные, ошеломленные, небоеспособные люди... После этого начались полевые бои. Русские подвигались вперед, захватывая огромное количество пленных и много орудий.

„Брусиловский прорыв“ сыграл решающую роль в исходе мировой войны: он оттянул на нашу границу сорок пять дивизий, снятых с западного фронта, и дал союзникам возможность сконцентрировать свои силы и подготовить наступление на западе.

В феврале 1917 года грянула русская революция. Брусилов принимал участие в свержении Николая с престола, он чувствовал себя тесно связанным с народом. „От русского народа, — говорил он, — я не отделиюсь и останусь с ним, что бы ни случилось“. И он на деле доказал правдивость этого своего заявления.

В мае 1917 года он был назначен верховным главнокомандующим, но уже через два месяца Керенский сместил Брусилова, этого опытного, выдающегося полководца. „В самом начале революции, — писал Брусилов, — я твердо решил не отделяться от солдат и оставаться в армии, пока она будет существовать или же пока меня не сменят. Я считаю долгом каждого гражданина не бросать своего народа, а жить с ним, что бы это ни стоило“.

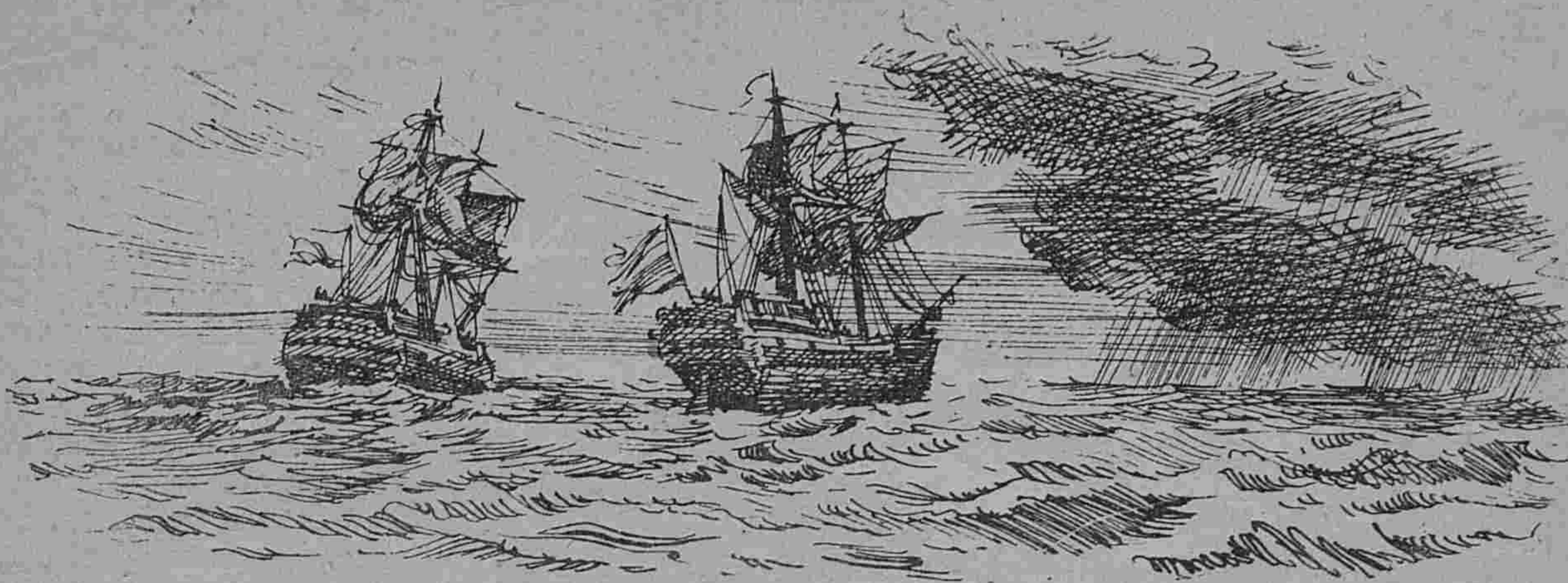
Брусилов остался в армии и после Октябрьской революции.

Когда в 1920 году нашей родине угрожала новая опасность, Брусилов стал во главе особого совещания при главнокомандующем всеми вооруженными силами республики и призвал других деятелей старой армии „итти с полным самоотвержением и охотно в Красную армию, на фронт или в тыл, куда бы советская власть ни назначила, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию“.

Своим опытом, талантом и энергией Брусилов помог тогда советскому правительству разгромить врага и изгнать интервентов из пределов нашего отечества.

Брусилов умер 17-го марта 1926 года.

В дни великой отечественной войны мы часто вспоминаем генерала Брусилова. Облик русского полководца, как и облик его великого предшественника — Суворова, вдохновляют нас в великой освободительной войне против немецких захватчиков. Он служит нам примером целеустремленного, вечно работающего над собой патриота, отдающего все свои знания и способности, всю свою энергию и всю свою жизнь любимой родине.

Гвардии сержант Михайло Щепотьев

В. ГЛИНКА

рис. Г. Петрова

Это было 236 лет назад, осенью 1706 года.

Прошло только три зимы и четыре лета, как в устье Невы раздалась русская речь, перебойно и звонко застучали топоры, завизжали пилы. Строился город Питербурх.

Но часто мирные будни нарушала боевая тревога. Шведские корабли показывались на взморьи и вражий десант плыл к городу. Тогда с батареей крепости грохали выстрелы и к берегу со всех сторон бежали солдаты, только что сменившие лопату и кирку на кремневое ружье. Посрамленный враг неизменно отступал, но вскоре вновь возвращался. Эти бесплодные нападения шведов мешали постройке города. И вот царь Петр задумал сам ударить по вражьему гнезду, откуда направлялись нападения на Петербург. Петр решил осадить Выборг.

11-го октября, под вечер, русские полки подходили к шведской твердыне. Под косым осенним дождем, лившим уже третьи сутки, медленно двигались по прибрежной дороге усталые люди.

Перед батальоном преображенцев ехал царь. Длинное, жилистое его тело, покрытое широкой шинелью с пелериной, казалось еще крупнее на небольшом коне. Петр был хмур и молчалив. Давно потухшая трубка торчала в углу его рта. Он думал о том, что не видать еще конца краю этой войне, начатой шесть лет назад.

— Эвона, поплыли... Разбери-кась, купцы аль военные... — услышал царь сзади негромкий голос. Он, подняв голову, глянул на лево. Там, за пеленой дождя, недалеко от

берега видны были три корабля, медленно тянувшиеся в открытое море.

— Купцы, — уверенно проговорил Петр. — Перенять их надо бы.

Он обернулся. Ближе других всадников ехал тридцатилетний сержант Преображенского полка Михайло Щепотьев. Волнистые и жесткие русые волосы, как блестящая золоченая проволока, обрамляли его круглое румяное лицо. Серые глаза глядели прямо и дерзко. Царь любил Щепотьева за испытанную сметку и храбрость. Не одно царское поручение выполнил он быстро и толково.

— Михайло! — позвал негромко Петр. — Надобно сии три верей захватить, — сказал царь. — От людишек, что на оных сыщутся, про крепость сведения б, да и груз чаю, какой тамо есть. Разумеешь?

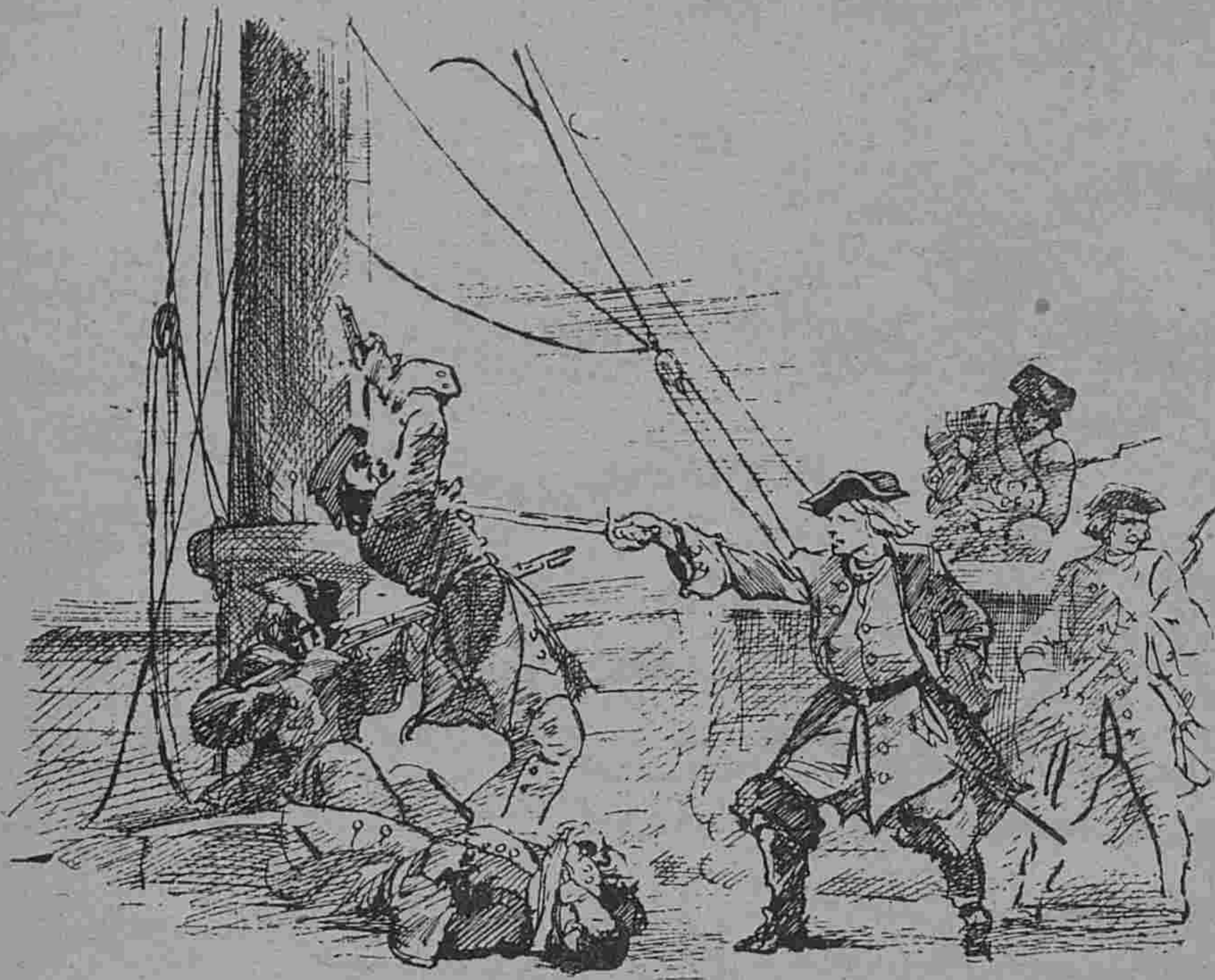
— Сколько команды дашь, ваше величество? — ответил вопросом Щепотьев.

— Бери что надобно, да не мешкай.

Через полчаса Щепотьев со спутниками уже спихивал на воду три ветхие рыбацьи лодки. Он взял с собой сорок восемь преображенцев и приятеля своего бомбардира Дубасова. На берегу к ним присоединились посланные царем два флотских унтер-офицера, Скворцов и Сенявин. Подошли они в самое время. Торопившийся Щепотьев приказал людям рассаживаться и отваливать.

Стало почти темно, когда, наконец, пригнали еще две лодки и отчалили.

Скворцов с Сенявиным, сидевшие на шед-

ших передом лодках, по очередно командовали: „Раз-два... Раз-два...“, пока люди не наладились. Потом моряки накрепко запретили всем говорить. В наступившей тишине слышались только мерные всплески весел, да бульканье воды по бортам.

Плыли уже с час. К темноте прибавился туман. Он разделил лодки почти непроницаемой пеленой, приглушил звуки, окутал людей. Но моряки продолжали уверенно держаться курса. Прошло еще с полчаса. Щепотьев, куривший трубку за трубкой, терял терпение.

И вдруг где-то совсем близко раздался плеск воды, скрип дерева. Ясно донеслись два голоса, перекликнувшиеся не по-русски. Еще через минуту, прямо на лодки надвинулся качающимся масляным фонарем бугшприт, с уходящим вверх слабо надутым кливером. За ним выступила темная стена борта.

Без команды, не упуская мига, солдаты, бросив грести, зацепились баграми за проходивший мимо корабль. Вот уже двое вместе с Щепотьевым повисли на нем.

— Стой! — раздался испуганный окрик, и вахтенный с ружьем наперевес метнулся к Щепотьеву. Но тот, стоя еще на борту, выстрелил из пистолета во врага, и, обнажив шпагу, соскочил вниз. Враг упал и сержант остановился на миг, оглядываясь. У другого борта слышалась возня и приглушенные голоса, — и оттуда лезли наши.

Совсем близко ударила пушка, плюнув ядром в темноту. Потом еще, вторая. Должно быть канониры спросонок не разобрали, что уже идет абордаж и стрелять поздно. Краткие вспышки выстрелов озарили часть палубы, толстое основание мачты и темный люк, из которого выскакивали полуодетые люди с ружьями и кортиками. Еще другие, топая и крича, бежали с кормы.

„Пушки, — подумал сержант, — народ валит, никак на военный корабль налезли!“

Но разбирать было некогда. Трое шведов бросились на Щепотьева и он едва успел ударить одного шпагой, другого — ногой, как третий выстрелил в него почти в упор. Пуля

обожгла лоб, сбросила шляпу, и в следующее мгновение, жарко дыша и хрипло ругаясь, враги стиснули друг друга, что было силы. Рослый швед оторвал Щепотьева от земли, потащил его к борту. Но сержант поджался и вдруг, распрямившись, толкнул врага обратно.

В это время по всему кораблю уже кипела жестокая схватка. Крики, стоны, выстрелы... Щепотьев оторвался от полузадушенного врага и бился теперь впереди кучки преображенцев.

Приклады, клинки, зубы, ноги — все разило врага. И теперь наши явно одолевали. Все теснее смыкаются они вокруг врагов, оборонявшихся уже у трапа, ведшего вниз. Валяются друг на друга тела... Вот только четыре шведа отбиваются у люка. На двух из них сверкают обшитые галунами офицерские кафтаны. Как отчаянно они дерутся! Убиты еще два преображенца. Но Щепотьев валит одного офицера и тотчас обрушивается на другого. Третий швед спешит скрыться под палубу и четвертый летит на него с раскроенной головой.

Сержант бросается вперед и, захлопнув створки люка, наваливается на них всем телом. В ту же минуту снизу гремит выстрел. Щепотьев больше не двигается.

— Неужто убили? — нагибается к нему Сенявин.

— Нет еще... — хрипит Михайло. — Давай чего тяжелое навалить... Петру Алексеичу презент представить скорее... — И голова

его бессильно склонилась и стукнула о доски люка.

Через несколько минут, при свете фонаря, с сержанта стащили кафтан и рубаху. Шесть колотых и стреляных ран изувечили его тело. Но самой тяжелой была последняя. Чуть выше сердца темнела черная дырочка и из нее безостановочно бежала кровь. Сенявин прислонил умирающего спиной к мачте.

В это время Скворцов с другими солдатами поворачивал корабль и, лавируя против ветра, медленно повел его к берегу.

Через четверть часа Сенявин вновь присел на корточки около Щепотьева.

— Господин сержант! — окликнул он. — Сие не торговый какой корабль, а прямой адмиралтейской бот о четырех пушках, кличкою „Эсперн“, и команды на ём, свейцы раненые сказывают, более ста человек находилось. Виктория презнатная учинена.

— А что народу у нас потрачено? — медленно выговорил Щепотьев, с трудом открывая глаза. — Дубасов-то жив ли?

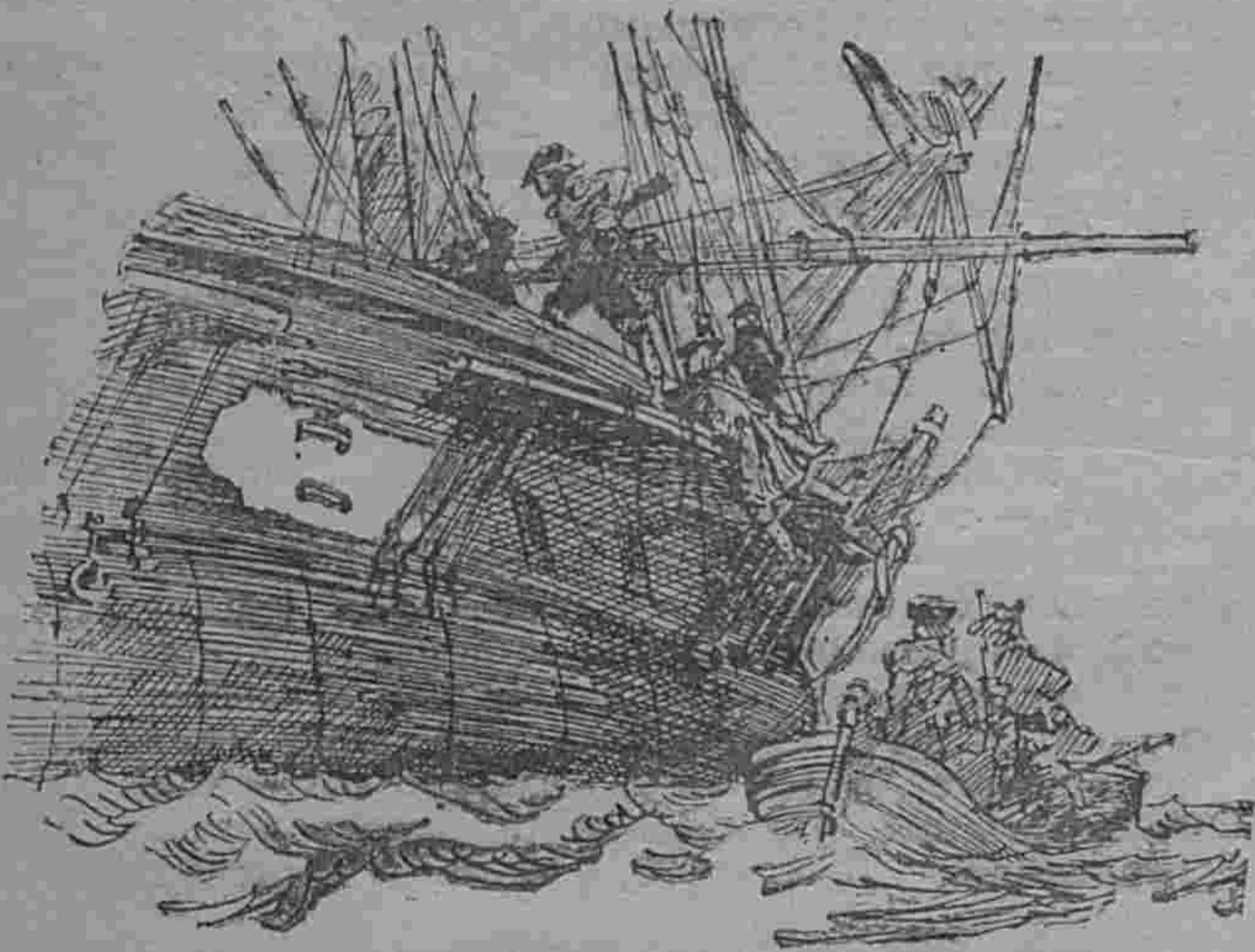
— Наповал, из первых лег, — сказал Сенявин.

Но в этот момент, в чуть начавшем светлеть тумане, грохнул и вспыхнул пушечный выстрел, вверху пронзительно свистнуло, посыпались щепки разбитой реи. Ядро гулко бултыхнулось в воду за „Эсперном“. А прямо против замершего Сенявина обозначились очертания корабля, с которого разом сверкнуло пять или шесть ружейных огоньков.

— Сюда, ребята, скорей! — кричал уже моряк, бросаясь к ближайшему орудью.

Началась неравная борьба. Тридцать оставшихся в живых русских бились со ста человеками команды второго шведского бота.

Три раза приостанавливали шведы огонь и предлагали преображенцам сдаться. Но

им отвечали только выстрелы. Одним из первых же выстрелов Скворцов разнес каютную надстройку. Потом, когда шведы подошли почти вплотную, изготовясь к abordажу, Сенявину удалось подкосить их грот-мачту. Враги бросились обрубать снасти и спихивать за борт дерево, грозившее перевернуть корабль. Но и на „Эсперне“ неприятельские ядра били людей, крушили борта, два раза начинался пожар. Наконец третьим удачным выстрелом наши разбили шведскую пушку. Неприятель стал отставать. Через несколько минут он скрылся в предрассветном тумане.

Тогда несколько нестройных, надтреснутых голосов прокричали: „Виват!“

Победа снова была за русскими. И на этот раз ее завоевали шведскими пушками.

Сенявин пошел поглядеть на Щепотьева. Сержант сидел все так же, у мачты, но теперь в недвижных руках его было зажато ружье. Оно было разряжено. Еще одну пулю послал Михайло врагу, но и сам получил седьмую и последнюю рану. В густых, похожих на золоченую проволоку волосах, темнело кровавое пятно.

Утром „Эспери“ подошел к берегу и бросил якорь близ русского лагеря. Через пять минут Петр был уже на борту захваченного корабля. Его встретили все, кто мог стоять на ногах. Их было девять человек, из которых не было ранено только четверо. А вдоль другого борта вытянулась линия мертвых шведов—этих было семьдесят восемь. Двадцать три живых, вооруженных, но пленных врага кричали и ругались под палубой.

Оглядевшись, царь снял шляпу. Покачивая головой, обошел он весь корабль и остановился около всё так же прислоненного к мачте Щепотьева. Здесь он выслушал донесение Сенявина, потом нагнулся и поцеловал холодный лоб своего любимца.

— Истинно скажу — сей бой чудный и предвительный, — сказал Петр. — Подвига такого забыть не можно. Не посрамили имени русского ни живые, ни мертвые.

21-го октября в Питербурхе на Троицкой площади, близ крепости, торжественно хоронили героев. Тела их по приказу царя привезли на плененном ими боте. Гремел ружейный и пушечный салют, замерли, отдавая честь, окружавшие могилу батальоны. В этот час под Выборгом также грохотали пушки...

В душе Петра росла гордая уверенность, что с такими бойцами, как Щепотьев и его команда, Россия неминуемо победит всех врагов, которые когда-нибудь поднимут на нее оружие.

РАССКАЖИТЕ НА ШИОНЕРСКОМ СБОРЕ

ПОЧЕМУ МЫ НЕ НАВИДИМ ФАШИСТОВ

БЕСЕДА КАПИТАНА И. ГРАЧЕВА

Мне хочется рассказать вам сегодня о той ненависти, которая горит в сердцах наших бойцов против фашистских бандитов. Не случайно весь мир называет гитлеровских солдат, как угодно: головорезами, разбойниками, бандитами, захватчиками. Солдатами их никто не называет. И это правильно. Солдат — это почетное звание. Оно обязывает человека к храбрости, к честности, к дисциплине, к уважению мирных жителей. А фашистские мерзавцы ведут себя, как разбойники с большой дороги. Это не солдаты, а дикие звери.

Расскажу вам о таком случае. Выбили мы немцев из деревни К. Прошло несколько часов и приходит ко мне командир разведки.

— Товарищ капитан, — говорит он, — немцы явно готовятся к атаке. По всем данным к утру надо ждать наступления.

Ладно, думаю, пусть попробуют. Мы народ гостеприимный. Так встретим, что никто из этой мрази домой не вернется. Одно только меня смущало: в деревне оставались мирные жители — старики, женщины и дети. Мужчины и юноши давно уже партизанили.

Начнется сражение, как тут уберечь от вражеских снарядов беспомощных детей и женщин? И решил переправить их на день-другой в соседнее село, верст за пятнадцать. А на всякий случай обеспечил охрану: отправил их сопровождать десяток красноармейцев. И вот потянулись по дороге старики, дети, женщины. Совсем маленьких ребятшек матери несли на руках.

Отошли километров двенадцать, сделали небольшой привал. Утомились старики. Сидят люди у обочины дороги, мирно беседуют, а красноармейцы замаскировались неподалеку в лесу. Погода была солнечная, но облачная. Такую погоду особенно любят фашистские налетчики.

И вот из облаков вынырнул „Мессершмитт“. Фашистский летчик увидел людей и начал делать один за другим заходы. И когда немецкий негодяй убедился, что у дороги — дети, старики и женщины — он с

бреющего полета открыл пулеметную стрельбу. Пали мертвыми безоружные мирные люди, кричали дети, истекали кровью женщины...

Если бы не красноармейцы — фашистский изверг расстрелял бы всех. Но наши бойцы не дали ему долго зверствовать. Удачная очередь сержанта Павлова вывела хищника из строя. Самолет рухнул и сгорел вместе с мерзавцем-налетчиком.

Красноармейцы похоронили убитых, перевязали раненых и перед тем, как тронуться дальше, провели митинг. Это был очень короткий митинг. Короче, вероятно, никогда не бывало. Красноармеец Резников показал на трупы детей и сказал: „Вот это и есть фашизм. Вы видели, как воют эти гады?! Поклянемся здесь, что мы уничтожим всех фашистов, поклянемся, что мы всегда будем ненавидеть их!“ И все бойцы сказали: „Клянемся!“

Бойцы свою клятву сдержали. Немцы почувствовали это на другой же день, когда пошли в контратаку. Такой ярости я не видел у бойцов никогда. Резников расстрелял все патроны, израсходовал все гранаты и приколол одного ефрейтора штыком. Осколок мины вывел из строя его винтовку. Резников остался совсем безоружным. Этим воспользовались два гитлеровца. Они бросились на него с автоматами. Но они забыли, что перед ними красноармеец. А красноармеец не интересуется сколько перед ним врагов, он только спрашивает: где они. Резников схватил обоих фрицев за шиворот, приподнял их, и стукнул лбами друг о друга! У одного из них от такого удара даже глаз выскочил.

— Это вам за детей, за женщин, за старики, — сказал Резников.

Да, что — бойцы! Был у нас повар, добряк человек, до войны никогда в армии не служил и винтовки в руках не держал. У него и фамилия даже была аппетитная — Сметанников. И вот случилось так: наше подразделение оторвалось далеко от своей базы питания. Положение оказалось весьма серьезным. Для того, чтобы доставить

кухню, нужно было проехать по открытой дороге. А дорогу в двух местах немцы непрерывно обстреливали минометным огнем.

— Быть нам без обеда, товарищи, — сказал Резников. — Где же Сметанникову под таким огнем ехать. Он и винтовки-то с собой никакой не берет. Ну, да ничего: и так немцев побьем.

Вдруг наблюдатель сообщил мне, что по дороге движется какая-то повозка. Взял я бинокль и вижу: едет наш Сметанников и во всю нахлестывает лошадь. А на дороге — минометный огонь. Спешит повар, руками размахивает, за плечами у него на этот раз винтовка. Странно, никогда раньше он ее не брал.

— Будет обед! — говорю я бойцам. — Вот он, оказывается, каков наш мирный повар: и огня не испугался.

Только я, это сказал — вижу осколком мины разворотило крышку котла. А Сметанников схватил лошадь под узды и скрылся в лесу. Прошло минут двадцать — нет Сметанникова. Ясное дело, решил повар отсидеться в лесу, пока не стихнет огонь, а до боя оставалось не более часа.

Грустно всем стало. Даже смотреть на дорогу не хочется. А все — нет, нет да и взглянешь. И вдруг... что это? Какой-то куст посреди дороги вырос. Раньше его не было. Что за навождение! Стали приглядываться. Станный куст. На месте не стоит, а тихонечко двигается в нашу сторону. Вдруг из этого куста вылез человек и стал по затылку по дороге. Да это же наш Сметанников! Только чего же он по дороге шарит, когда кругом мины рвутся. Может быть ранило его? Послал я на выручку повару наших бойцов. Очень скоро таинственный куст прибыл к нам в подразделение. Это оказалась замаскированная кухня.

Доставил-таки повар нам обед. Хоть и крышку котла разворотило, и лошадь пала и самого повара в руку ранило.

— Я же знал, — сказал Сметанников, — что без обеда меньше будет уничтожено фашистских бандитов. Перехитрю, думаю, немцев. Будут наши бойцы сыты.

Спросил я его: зачем он по дороге ползал.

— А я, говорит чумичку потерял. А без чумички — какая же кухня?

— А винтовку почему сегодня захватил?

— А мне, — отвечает, — чумичка немного надоела. Я хочу немного трехлинейной „чумичкой“ поработать. Хочу открыть свой счет истребленным немцам. Сегодня и начну.

И верно... В этом бою он начал свой счет. И не плохо начал. Уложил трех фрицев рядовых и одного ефрейтора.

Так обычный советский человек умеет ненавидеть фашистскую нечисть. Это помогает ему совершать будничные подвиги. А сколько у нас таких людей? Не перечесть!

На побережье

А. Олицкий

рис. Г. Петрова

Забыли мы, что позади зима.
И Сестрорецк и Тарховка все те же.
Все в тех же соснах дачные дома,
И так же жжет песок на побережье.

Я прохожу по дачам онемелым,
В немых садов, немую тишину,
Калитку ржавую я трогаю несмело...
Она скрипит. Впервые за войну.

Зеленый чад смолистых испарений,
Забут гамак. Оставлена кровать...
Цветут кусты несорванной сирени,
И некому душистую сорвать.

Живой пустыней веет от окна —
Бессильного свидетеля страданий,
Здесь о войне кричит мне тишина,
Здесь вещи все застыли в ожиданьи.

Что там, за дверью этой, впереди?
Я на крыльцо взбираюсь осторожно.
Я по привычке спрашиваю: „Можно!“
И отвечаю про себя: „Входи!“

Толкаю дверь... и сразу терпкий привкус...
И полумрак... и пыли на вершок...
Раскрыт комод... На нем — засохший фикус
И отсыревшей соды порошок.

И чудится, что сговорились вещи,
Скучают вместе: думают и ждут.
„Война и Мир“ страницами трепещет...
Наш мудрый граф, кем ты оставлен тут?

„Война“ и „мир“! Два сокровенных слова.
И цену им познали мы сполна.
Мир — вдребезги! И старый том Толстого
Волнуясь, ждет, чтоб кончилась война.

А над заливом высится Кронштадт.
Таинственный. Суровый. Величавый.
Спят корабли. Но меряки не спят
На острове, покрытом дымкой славы.

Храня залив и неба синеву,
Стоит Кронштадт над Балтикой на вахте,
Собой прикрыв наш город и Неву,
Стоит, чтоб всеми жерями бабахать.

Высокий холм над желтым бережком,
Весь облысел под натиском шрапнели.
Лишь две сосны с повисшим гамаком,
Среди воронок, чудом уцелели.

И мы идем, чтоб все вернуть стране!
Туда, вперед, где беспокоит рощу
То пулеметов ругань в стороне,
То пушек спор, то снайперская ошупь.

Цветы тетушки Жанны

К. МЕРКУЛЬЕВА

рис. К. Рудакова

В небольшом приморском городке все знали тетушку Жанну. В ее маленьком садике росли такие чудесные цветы. А тетушка Жанна умела приготовить букет, который угодил бы самому требовательному вкусу. Вот почему к тетушке Жанне так часто забегали молодые люди, степенно, не спеша заходили самые почтенные дамы, прибегали впопыхах школьники, чтобы заказать букет ко дню юбилея их учителя.

Так было многие годы. А потом все вдруг изменилось. Война. Враги-немцы хозяйничали теперь в городке. И никто из привычных покупателей не заходил больше к тетушке Жанне.

Только иногда немецкий начальник жандармов присылал к тетушке Жанне за букетом. И как обидно было француженке срезать свои любимые цветы для этих проклятых! Но что делать?

Однажды рано утром тихий, но настойчивый стук разбудил тетушку Жанну. Она прислушалась. Осторожные пальцы барабанили по стеклу. Зевая и бранясь, она сползла с постели и поплелась к окну.

К стеклу приплюснулись лица неразлучных друзей — Пьера и Поля. Ребята делали ей какие-то таинственные знаки.

— Ну, что еще стряслось?

— Тетушка Жанна, — быстро заговорил Пьер, — нам нужны ваши цветы, самые красивые.

— Бездельники! Беспокоить меня после такой страшной ночи, после бомбежки!... Я только что уснула... Убирайтесь, убирайтесь!

Она пыталась закрыть раму, но Пьер решительно втиснул свою вихрастую голову в окно.

— Уверяю вас, тетушка Жанна, нам очень нужны ваши цветы, очень. Мы вам хорошо заплатим,

— Нужны, вам? — усмехнулась тетушка Жанна. — Они нужны начальнику жандармов для пирушки.

— Пойдем, нам не о чем с ней толковать, — сказал Поль, молчавший до этого времени. — Она предпочитает фашистских жандармов английским летчикам!

— Погодите, — сказала тетушка Жанна нахмурив брови, — какие английские летчики?

— Разве вы не знаете — два английских самолета были подбиты ночью. Летчики выбросились на парашютах. Они спускались и стреляли из автоматов. До последнего своего вздоха отбивались они от фашистов, уничтожали их. Мы похороним летчиков-героев со всеми почестями; на зло этим проклятым бошам. Нас послали за цветами. Но мы спешим...

— Святая дева! Что же вы сразу не сказали этого! — Тетушка Жанна всплеснула руками. — Сейчас я открою вам калитку.

Через минуту, вооруженная большими садовыми ножницами, она яростно резала ирисы. Уже огромные букеты были в руках ребят,

а неумолимые ножницы подкашивали все новые и новые цветы.

— Спасибо, тетушка Жанна, довольно,...

— Возьмите еще и эти тюльпаны. Они горят, как кровь... Ах, бедные молодчики, так они нашли могилу на нашей земле? Ну, кажется, теперь всё, — сказала она, с удовольствием глядя на опустевший цветник. — Деньги? Вы с ума сошли!

Большая толпа собралась у опушки леса. В братскую могилу бережно опустили четыре гроба. Свежий холм покрыли цветами. Среди них выделялись пышные ирисы и алые тюльпаны, подобные каплям горячей крови. Между цветами вилась лента с надписью:

„Они отдали жизнь за свободу Франции“.

Тетушка Жанна стояла в толпе. Ее цветы! Как она гордилась, что ее любимые цветы украшали могилу этих безвестных героев.

К могиле вышел рабочий. Он сказал:

— Мой дом разрушен сегодня ночью во время налета. Но ради любимой Франции я готов на еще большие лишения. И я склоняю голову над этой славной могилой.

Потом из толпы вышла женщина. Она заговорила быстро и взволнованно:

— Эти летчики разрушили цех, где работали мои сыновья. Нас ждет голод. Но я думаю о матерях этих героев, отдавших жизнь за наше освобождение.

Женщину сменил старик с забинтованной головой. Его ранило во время налета.

— Я верю, сказал он, — час нашего освобождения близок!

И толпа откликнулась:

— Да здравствуют английские летчики! Да здравствует свободная Франция!

Свободная Франция! Пьер и Поль, не отрываясь, смотрели на могилу. Они подрастут и станут такими же бесстрашными, как эти незнакомые англичане. Они будут драться за свободу Франции, и если нужно будет, так же отдадут свою жизнь, как эти летчики...

— А теперь расходитесь, — сказал старик устало. — Скорей!

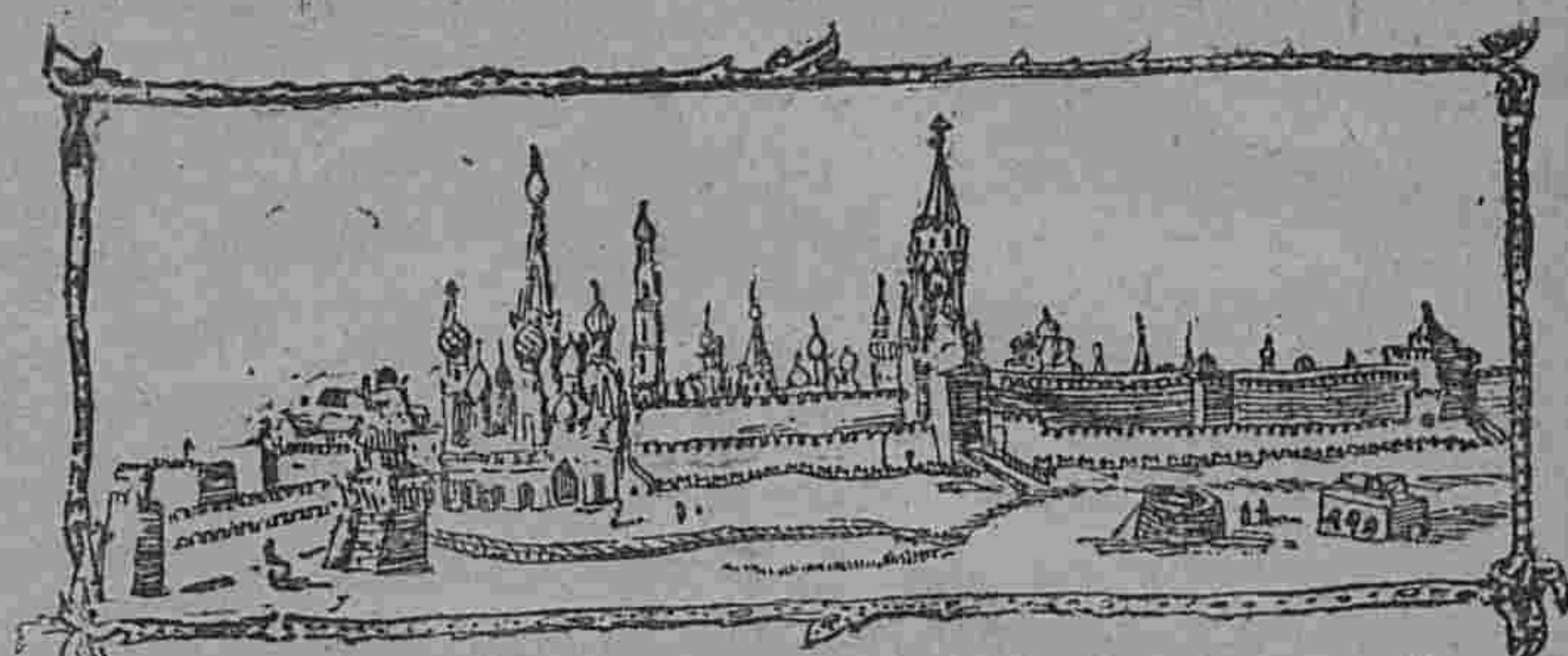
И верно, надо было спешить. Немецкие жандармы уже мчались к опушке леса.

Вскоре у свежей могилы никого не было. Вся усыпанная лилиями, ирисами, она напоминала великолепный цветник. Среди цветов виднелась лента с четкой надписью:

„Они отдали жизнь за свободу Франции“.

Свою первую ярость обрушили жандармы на цветы тетушки Жанны.

Нет, они не попали на праздничный стол к начальнику жандармов, эти цветы. Они погибли здесь, затоптанные фашистами у этой славной могилы.

НЕСБЫВШИЙСЯ ПЛАН

Попытки немцев завладеть нашей страной не новы. История рассказывает о войнах, как, например, война с немецкими псами-рыцарями в XIII веке, которая закончилась разгромом немцев на Чудском озере. Но были и другие планы порабощения нашей страны, которым так и не суждено было осуществиться. Один такой план возник во времена Ивана Грозного.

Русские леса, богатые пушным зверем, просторы хлебных полей, неисчерпаемые рыбные запасы полноводных рек — все это привлекало внимание иностранцев. Многие искатели счастья в надежде разбогатеть стремились в богатую Московию.

Захудалый выходец из Прибалтийского края немец Генрих Штаден был одним из таких искателей счастья. Ему повезло: он участвовал в походе Ивана Грозного против непокорного Новгорода и вывез оттуда немало награбленного добра. Оно едва уместилось на двадцати двух возах. Потом он купил землю и обосновался как дома.

Хорошо жилось на Руси Штадену: он жестоко выколачивал оброк из крестьян и порол непокорных розгами. Но благоденствие проходимца неожиданно кончилось. Царь отобрал поместье в казну и Штаден поспешно бежал на Север. Ободранный, злой, после долгих скитаний он добрался до берегов Белого моря и бежал на родину. Но примириться с потерей своих богатств немец не мог.

Вскоре Штаден оказался в Праге, при дворе германского императора Рудольфа II. Это был завистливый, своенравный человек. И Штаден решил соблазнить императора планом завоевания Московии.

— Дайте мне, ваше величество, двести судов, и сто тысяч войск, и я положу к вашим ногам ключ от столицы русских. Мы отплывем из Гамбурга и высадимся на берегах Белого моря. Отсюда, через Колу, мы достигнем богатого Кирилловского монастыря и Вологды. Одна часть будет осаждать Вологду, а другая продвинется к Белому озеру и далее к Москве. Когда мы займем Волоколамск и Троицкую лавру, Москва будет в наших руках.

Как ни заманчив был план Штадена, но Рудольф II колебался. Он помнил урок Грюнвальдской битвы, когда славянские полки нанесли огромный урон немецким рыцарям: на поле боя осталось сорок тысяч немцев. Да и покорить русских, видимо, было не легко: Штаден требовал огромное войско — сто тысяч человек.

А разве под Гелмедом не разбили немцев наголову? И дрались русские не саблями, а шестоперами — короткими металлическими палками с шестью ребрами. И так дрались, что не осталось гонца, который принес бы весть магистру о поражении. Подумал император и осторожность превозмогла. Хоть и заманчив был план, но опасен: знали немцы, как могуче и неприступно Московское государство.

КОВАРНЫЙ ВРАГ

М. ЗОЩЕНКО

С немцами я воевал двадцать шесть лет назад. Это враг очень коварный и сильный.

У него в то время была прекрасная артиллерия, масса пушек и снарядов. И поэтому немцы некоторое время нас теснили.

Но все-таки они далеко не могли продвинуться. Солдаты у нас очень храбрые и мужественные, и мы хорошо защищали нашу землю.

Мы задерживались у каждого леса и оврага, окапывались и давали немцам бой.

И вот летом 1915 года мы окопались недалеко от Минска. И целый год противник ничего не мог с нами поделаться.

Он и стрелял в нас из самых крупных пушек, и бомбил нас всевозможными снарядами. И ничего — мы не отступали ни на шаг.

И тогда наш коварный враг пустился на всякие хитрости. Он делал подкопы под наши позиции. Ставил огнеметы и поливал нас огнем. Но мы не дрогнули. И стреляли в противника так, что ему стало жарко.

В общем, целый год мы простояли на одном месте, не давая врагу продвинуться ни на один шаг.

И тогда наш коварный враг, видя, что ему приходится плохо, пустился на такое исключительное свинство.

Была прекрасная июльская ночь.

Днем было ужасно жарко и душно. А к вечеру подул легкий ветерок. И мы, сидя в окопах, наслаждались прохладой.

А когда совсем стемнело, некоторые из нас вышли из окопов и растянулись на траве.

Было чудно и тихо.

На небе сияли звезды. И нигде не было слышно ни одного выстрела.

И мы тоже не стреляли.

Стояла удивительная тишина.

И один из бойцов сказал:

— Это подозрительная тишина. Наверно, немцы что-нибудь замыслили против нас.

Но мы посмеялись и сказали:

— Нет, вряд ли. Наверно, противник утомился и теперь отдыхает.

И, поговорив еще немного, мы разошлись по своим землянкам.

И вот я пришел в свою землянку и зажег свечку. Я хотел написать письмо моей матери.

И вот я пишу то письмо и вдруг слышу какой-то шум впереди окопов.

Я вышел из землянки, чтоб посмотреть, что случилось, — не наступают ли немцы. Но было темно, и я ничего не увидел.

Я хотел было подойти поближе к проволочным заграждениям, где находились наши часовые и караульные. Но в этот момент на меня пахнуло каким-то дымом — горьким и вместе с тем сладковатым на вкус.

И тогда я понял, что это газы.

А в то время мы не были подготовлены к газам. Только так — поговаривали, что надо ожидать немецких газов. Но у нас даже не было противогазов.

Вернее, нам накануне прислали маленькие марлевые маски, которые назывались „рыльца“. И при этом нам сказали, что если будут газы, то эти рыльца надо предварительно помочить в воде и только потом уж подвязать их так, чтоб рот и нос были прикрыты.

А среди нас в полку находился один доброволец-инженер.

И когда нам прислали эти маски, инженер сказал:

— На такие маски нельзя надеяться. В таких чепуховых масках долго в газах не просидишь. Давайте условимся так. Если будут газы, моментально зажигайте костры и лежите около огня.

Мы спросили:

— А почему?

Инженер сказал:

— Газы не переносят огня. Подойдя к огню, они поднимаются всё выше и выше. И не задевают тех, кто находится у огня. Это закон физики, и надо сделать так, как я вам сказал.

И вот в эту злополучную ночь, когда немцы пустились на такое свинство, мы на первых порах растерялись.

Некоторые из нас стали подвязывать к лицу сухие рыльца, другие бросились искать воду. Но тут раздался голос нашего инженера. Он крикнул:

— Зажигайте костры!

А у нас хворост был заранее припасён.

Мы бросились к хворосту и подожгли его. И все, как один, легли под защиту огня.

И мы, действительно, увидели удивительную картину. Газы, доходя до огня, вздымались кверху и перескакивали через нас.

И мы так этому обрадовались, что стали смеяться и целовать нашего инженера.

Мы несколько часов пролежали у огня. Конечно, немцы могли в нас стрелять, но они не стреляли: они, оказывается, сами ушли с передовых позиций, чтоб случайно не

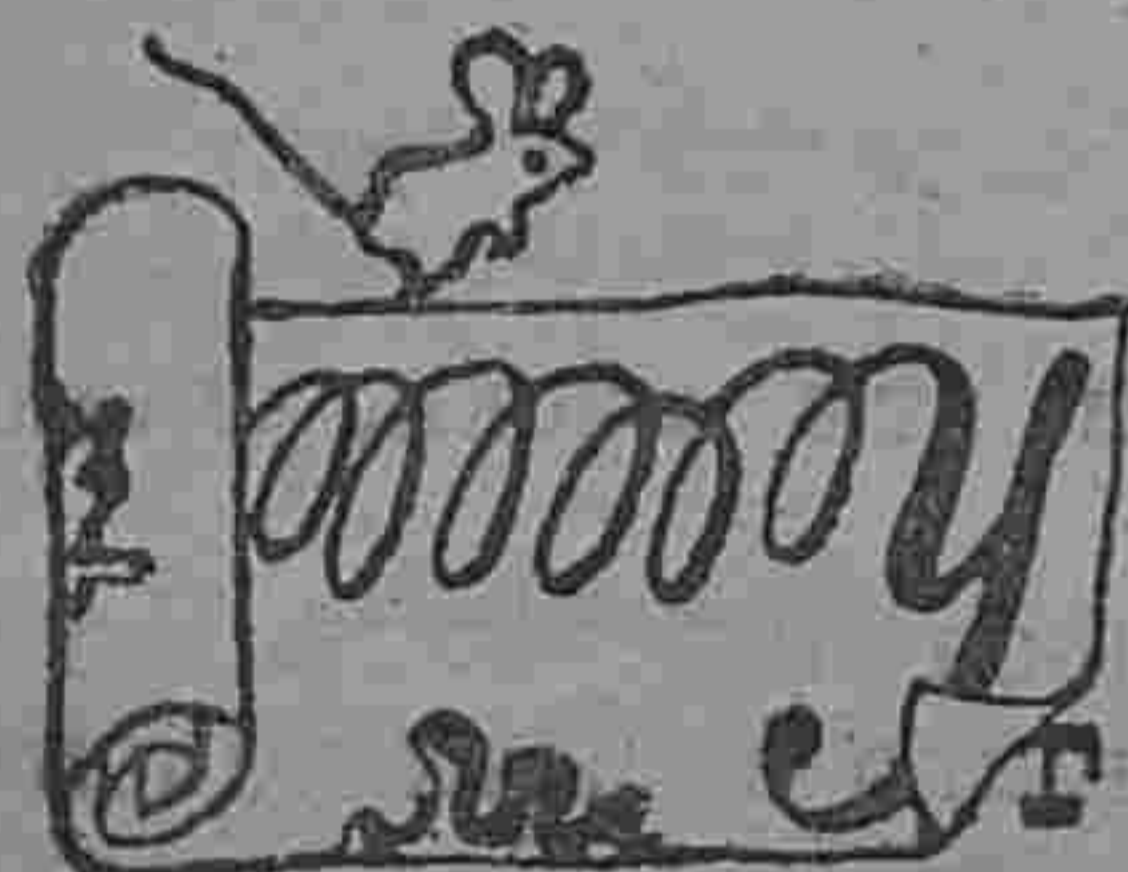
нанюхаться газов. И то потом выяснилось, что многие из них отравились. Так что газы — это палка о двух концах.

А у нас под защитой огня почти никто не пострадал. Только двое пострадали — они крепко спали и даже не слышали тревоги.

А все остальные остались живы и здоровы.

И даже наша полковая собачка „Мушка“ не погибла. Она, правда, немного нанюхалась газов, и ее некоторое время тошнило. Но потом она улеглась вместе с нами у огня и тем самым сохранила свою драгоценную жизнь.

Ребята, прошло двадцать шесть лет. И вот опять немцы воюют с нами.

СТОЛОК ЗЕЛЕНОГО АРХИВАРИУСА

СУВОРОВ БЛАГОДАРИТ...

Некогда, находясь на Кубанской линии, Суворов решил объехать ее. Слух об этом разнесся по линии, и каждый начальник ожидал в своем месте его прибытия.

Но Суворов не любил, чтобы его ожидали: всегда приезжал, когда не чаяли, и так, что его не узнавали.

В этот раз выехал он и ночью приехал на почтовую станцию, где стоял со своею командою один капитан, старый служивый и весельчак. Он никогда Суворова не видывал.

Услышав почтовый колокольчик, он вышел и никак не думая, чтобы то был Суворов, счел его за простого офицера.

— Э, брат служивый, — сказал он ему, — ты иззяб! Пойдем в избу, выпей чарку водки да поужинаем, что бог послал.

Суворов, благодаря его, вошел с ним.

Ужин был уже готов: на столе были каша и штоф с водкою. Сели за стол. Суворов с отменною охотою ел горячую кашу. Капитан спрашивал у него: кто он и куда едет? Суворов на первое отвечал ему, что в мысль попало, а на последнее, — будто бы послан от Суворова заготовлять для него лошадей по линии.

— Странно! Не нашли тебя моложе! — сказал капитан. — Да сколько надобно лошадей?

— Ведь генерал хоть налегке едет, а нужны все восемнадцать, — отвечал Суворов.

— Вот тебе раз! А здесь только восемь. Ну, да станица казачья близка, за лошадьми не станет; изволит подождать. Но скажи мне, комрад, каков

Немецко-фашистские войска снова вторглись на нашу землю. У них — танки, самолеты и всякие военные хитрости.

Но против их танков — наши мощные танки. Против их самолетов — наши замечательные самолеты. И против их хитростей — наша хитрость, наша русская сметка, наше мужество, храбрость и любовь к родине.

Нет, враги сунулись на свою погибель!

Уж если тогда, двадцать шесть лет назад, немцы не могли нас победить, то сейчас и подавно.

Враг будет разбит. Это так же верно, как то, что на небе восходит солнце.

этот Суворов? Говорят строг? Полно, я не боюсь хоть в полночь приезжай — все у меня исправно: я люблю служить у строгого командира!

— Неужели ты не слыхал о нем? Все говорят о нем, что он пьяница и чудака.

— Э-э! Ты, брат, шутишь! Видна птица по полету! Он так загонял поляков и турков, что перед ним другие генералы — дрянь!

После этого много наговорил он в похвалу Суворову. На что Суворов частью говорил опровержения, частью соглашался.

Суворов с капитаном подружился, выпили еще по рюмке водки, перецепили всех знакомых генералов, обнялись, пожали друг другу руки, и Суворов поскакал далее.

Со следующей станции Суворов написал этому капитану записочку: „Суворов проехал; благодарит капитана за ужин и просит о продолжении дружбы“.

★

ХИТРОСТЬ ГАННИБАЛА

По карфагенским законам полководец, вступивший в битву без разрешения Сената и проигравший ее, подлежал жестокому наказанию. Между тем Ганнибалу пришлось вступить без разрешения Сената в морское сражение с римским консулом Дуилием и проиграть битву, потеряв множество кораблей.

Надо было избавиться от наказания. Тогда Ганнибал отправил одного из своих друзей в Сенат и научил его, что следует говорить.

В Сенате друг Ганнибала сказал:

— Ганнибал встретился с большой эскадрой Дуилия и просит вашего совета — вступать ли ему в бой?

Сенаторы в один голос закричали:

— Нет сомнения, он должен вступить в бой! Тогда друг Ганнибала сказал:

— Он уже вступил и был разбит...

Сенат теперь не мог ничего возразить, так как разрешение на вступление в бой Ганнибал уже получил.

★

НЕМЕЦ ПОНЕВОЛЕ

ГЛЕБ АЛЕХИН

рис. Г. Фитингофа

Меня зовут Вася Пчелкин. Я — связной нашего полка. Вот, однажды вызывает меня начальник клуба и говорит:

— Товарищ Пчелкин, я написал для смотра самодеятельности скетч, театральные номера на две роли. Ты будешь играть немецкого ефрейтора, а я — следователя.

— Нет, говорю, товарищ начальник. Давайте лучше наоборот: я буду следователем. Какой из меня ефрейтор? Помню, однажды уложил одного ефрейтора, так он здоровенный — пудов на девять был. А я щупленький.

— Сложение, — говорит начальник клуба, — безразлично, важны актерские способности, а они у тебя налицо. И потом, мы на тебя наденем настоящий костюм ефрейтора.

— На меня, говорю, костюм ефрейтора? Нет, товарищ начальник, я скорее саван надену, собачью шкуру, чем костюм ефрейтора.

Долго упирался я, а в конце-концов пришлось играть фашистского ефрейтора.

Два дня репетировали. Вот, приносит мне начальник галифе, френч желтый, крест и говорит:

— Надевай скорей немецкое обмундирование и поехали.

Стал я надевать шинель — не застегнуть ни на одну пуговицу. Портной чего-то поднабил под ефрейторский фрак — для солидности, значит. Я опять к начальнику: „Не поеду. Не по форме. Нельзя“.

— Ничего, машина крытая, — говорит. — Никто тебя не увидит.

Ладно. Накинул я шинель, надел ушанку и забрался в кузов. А начальник — в кабинку. Едем это, значит, а дверца фанерная, все шлеп, да шлеп. Только я хотел ее привязать, а она и растянулась на дороге. Я, понятно, постучал, машину остановили. Я мигом дверцу поднял, да как брошу ее в машину, она и стукни в кабинку. Шофер-то, видимо, подумал, что я дал сигнал трогаться. Машина газанула, я за ней, и догнал бы, догнал бы (я прыток на ноги)! Но тут чья-то здоровенная рука схватила меня за шиворот. Смотрю — боец, богатырь. Руки — грабли, и лицо незнакомое. Поднял меня на воздух и закричал другому, что сидел на кухне:

— Капустин! Я ганса поймал!

Я — на дыбы. „Какой, говорю, я тебе ганс? Я — связной, Вася Пчелкин. А он и слушать не хочет. Приволок меня к походной кухне и говорит младшему повару:

— Вишь, гад, шинель-то нашу напялил, а костюмчик-то ганса. Хотел в машину спрятаться, а я его и сцапал. Посмотри, говорит: на нем железный крест. Выходит, вроде, как ефрейтор?

Капустин тоже осмотрел меня с ног до головы и обрадовался.

— Да, говорит, такой „язык“ на дороге не валяется. Давай его скорей в штаб.

— Какой, говорю, штаб? Что вы, братцы?

Мне к командиру нужно, спектакль разыгрывать.

— Ты нам не разыгрывай спектакль! Научился по-русски болтать, так, думаешь, обманешь.

— Ничего не обманываю, говорю. Вон начальник на машине поехал, а я выскочил поднять дверцу.

— Замолчи! Знаем мы, какую дверцу. На машине и дверцы-то не было. Нас не проведешь. Залезай на кухню!

Вижу, попался. Думаю, убежать надо. Вот уловил миг, когда главный повар освободил мою шинель, и — был таков! И убежал бы, да этот проклятый френч. Ну, не развернуться, тяжелый. Я уж полы шинели поднял, да младший повар все-таки догнал.

— Ага, говорит, рекомендуешься Пчелкиным, а сам — удирать? Давай, говорит, мы с ним справимся.

Ну, думаю, пропал. Теперь докажи, что я не ганс! Налицо френч, железный крест и бегство. Как освободиться? А тут с котла пар идет, кашей пахнет. С утра-то не ел, пробежался, и у меня аппетит. Вот тут я и пустил слезу:

— Братцы, говорю, накормите кашей.

— Какие мы тебе братцы?! — закричал главный. — Ты — ганс. Понятно? И не оскорбляй нас! А то — сейчас поварешкой. Сиди и помалкивай. Понятно?

— Ну, смотрите, дорогой умру от голода, вас начальство не похвалит: везли „языка“, а не довели.

Смотрю, мои повара переглянулись. Младший шепчет:

— Давай, подсыпем каши, а то еще что случится.

— Ну, вот еще! Посуду осквернять будем! Если рота узнает, так нам отвечать. Нечего!

— Тогда, — говорит младший, — давай допрос учиним. Если помрет, так все же документ представим. Вот, де, вам „язык“!

Главный одобрил, взял огромную поварешку и приподнял ее над моей головой:

— Сейчас допрашивать будем. Говори правду, как на духу. А ты, Миша, записывай.

Миша вытащил тетрадку, а главный спрашивает:

— Как зовут, как величают? А ежели не скажешь, не поздоровится. Понятно?

Ну и ну. Я понимаю — умереть от пули, мины, так сказать в бою, но от поварешки, да еще от своего брата-бойца — ну, прямо позор. Подумать только, домой напишут: Вася Пчелкин погиб, сидя на кухне, от уда-

ра чумичкой. Нет, думаю, разыграю лучше ефрейтора, все как полагается по роли.

— Меня, говорю, величают Германом Шлеймахером...

Ну, и пошел я тут, — прямо по роли. Где родился, где служил и все такое. А ребята увлеклись, вопрос за вопросом. Кто генерал, какие укрепления, где склады, танки, пушки, самолеты? Ну, прямо молодцы, столько вопросов задавали, что и роли нехватило. Пришлось самому присочинить.

Ладно. Закончился допрос. Вот главный и говорит:

— Капустин, а как мы ганса поведем? Полагается глаза завязывать. Давай платок.

— Ну да, дам я тебе платок пачкать. Давай лучше кастрюлю на голову наденем, вон ту, что для помоев...

Вот так скетч разыграли. Ну, и положеньице! Кастрюля тяжелая, медная, с нее течет, в ушах капуста. На кочках спотыкаюсь а, главное, под носом щами пахнет. Как поворот или остановка, главный бьет поварешкой по кастрюле и командует: „Направо“, — блям — „Налево!“ — блям. Командует, да звонит, и до того, братцы, назвонил, ну, прямо оглох. Подошел к дверям, качаюсь, еле на ногах стою. И зачем это я в костюме ефрейтора вырядился? Теперь не только костюм, ремня ганса не надену! И ребятам своим накажу: увидишь какую немецкую штуковину, за три версты обходи. Иначе — беда.

Ладно. Прошел главный в комнату и громко доложил:

— Товарищ командир, разрешите подать „языка“?

— Какого „языка“? — удивился тот.

— Самого настоящего, товарищ командир, немецкого. ефрейтора, значит.

— Ефрейтора? — удивился командир. А ну, введи.

Опять... блям! и я вхожу.

— Что за чучело? — удивился командир. Зачем кастрюля на голове?

— А это, чтоб не видал, куда вели. Мы хоть и повара, но кое-что понимаем.

— Ну, хорошо. Снимите кастрюлю.

Сняли. Смотрю — за столом сидит командир, а рядом с ним начальник клуба. И оба такой смех подняли, что главный даже кастрюлю из рук выронил. Начальник отчитал меня за вылазку и засмеялся:

— Ну, как, товарищ Пчелкин, сыграем скетч? Вас накормили? Достаточно?

— Ох, достаточно! Накормили, допросили, назвонили, щами облили! Никому не пожелаю оказаться в шкуре ганса!

О СМЕЛЫХ И ОТВАЖНЫХ

МОЛОДЕЦ, МАКАРОВ!

Евгений ФЕДОРОВ

Одна из частей Ленинградского фронта шла в наступление. В боевых порядках пехоты шли и артиллеристы. Они в упор расстреливали огневые точки врага, его живую силу. Немцы знали цену нашим артиллеристам и всю силу своей ярости обрушили именно на них. Командир и бойцы одного из наших орудий выбыли из строя. Остался только один красноармеец Василий Макаров.

— Не радуйтесь, гады! — крикнул красноармеец и бросился к уцелевшему орудию.

Он один вступил в неравный и страшный поединок с противником. Он был за командира, наводчика, заряжающего и подносчика боевых снарядов. Он точно рассчитал все свои движения. Он быстро командовал себе и еще быстрее выполнял свои приказы.

— Номер третий, снаряды! — подавал он команду.

— Есть, подать снаряды! — отвечал он себе, уверенно хватал снаряды и подносил к орудию.

Макаров так увлекся своим делом, что ему и впрямь казалось, что он не один, а возле орудия работает полный расчет Макаровых.

Он метко посылал снаряд за снарядом. И когда вверх вздымались вихри черной пыли и обломки вражеских дзотов, он хвалил себя:

— Молодец, Макаров! Ловко бьешь!

— Есть, еще крепче бить гада! — подбадривал он себя. Он сбросил фуражку, расстегнул ворот гимнастерки. От него валил пар.

Тридцать минут вел красноармеец Макаров беспрерывный, уничтожающий огонь по врагу.

Наша пехота за его огневой завесой быстро продвигалась вперед. Вот она ворвалась в немецкий окоп, и начался горячий рукопашный бой.

Тут только утомленный Макаров перевел дух. Он присел у орудия, вытер пот и улыбнулся:

— Чистая работенка! Молодец, Макаров!

— Есть, чистая работенка. Служу трудовому народу! — еще веселее отозвался он сам себе.

Вдали в это время гремело раскатистое красноармейское „ура!“.

Макаров не утерпел. Он вскочил, вытянулся и во всю силу своих легких закричал:

— Ура, наша взяла!

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Илья БРАЖНИН

Я стоял у самолета, когда прозвучал сигнал тревоги. Лейтенант Небольсин, яснолицый и спокойный, сидел в кабине дежурного самолета. Не успел я отступить от дорожки аэродрома к оврагу, как зеленый истребитель Небольсина взмыл в воздух. Я провожал его глазами.

С тех пор прошло несколько недель. Больше я не видел Небольсина, но если я проживу еще сто лет, то не забуду его ясных глаз, его спокойной речи.

Тот полет был его последним полетом. Он расстреливал последнюю ленту пулемета, когда его самолет загорелся в воздухе. Оставалось одно — прыгнуть вниз с парашютом. Но самолет был над территорией врага (а это значило, что на земле летчика ждет плен). Нет, — это Небольсин отверг. Он взглянул вниз. По дороге тянулась мотоколонна врага.

Небольсин больше не колебался. Он ввел самолет в пике и живым факелом врезался в середину мотоколонны. Послышались взрывы — губительное пламя охватило машины врагов.

Может статься, в последние мгновения жизни перед глазами его встал образ товарища его, лейтенанта Мисякова.

Мисяков несколько дней назад вылетел навстречу немецкому бомбардировщику. В упорном бою он расстрелял все патроны. Бомбардировщик врага уходил. Он мчался к мирному советскому городу со смертоносным грузом, чтобы посеять смерть и разрушения.

Что делать? Позволить мерзавцу сбросить бомбы? — Нет! Мисяков кидает свой самолет на фашистскую машину и, погибая сам, взрывает врага в воздухе.

Оба героя — и Мисяков и Небольсин — ученики майора Зайцева. Александр Петрович не только замечательный летчик, для которого нет невозможного в воздухе, но и превосходный командир-воспитатель.

О Зайцеве, как о летчике, говорят тринадцать сбитых вражеских машин. О Зайцеве, как о воспитателе, говорят бессмертные подвиги его учеников — Мисякова и Небольсина.

ВЕСТНИКИ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

Е. БОРОНИНА

рис. А. Медельского

Наш город осажден. Но каждый день радио рассказывает нам, что происходит на фронтах. Мы знаем, что делается в Москве в Новосибирске, на Камчатке. Мы знаем новости дня всего земного шара. Мы читаем московские газеты—их привозят нам летчики.

Мы обмениваемся с нашими родными и близкими письмами и телеграммами. Нет, мы не оторваны от нашей родины. Мы не одиноки. Мы связаны со всей страной, со всем миром.

Иначе обстояло дело три четверти века назад.

Осень 1870 года. Сердце Франции, ее столица—Париж—в кольце врагов. Враги эти немцы. Они воюют с Францией.

С линии городских укреплений со всех сторон виднелись мелькавшие в дыму догоравших предместий черные мундиры пруссаков.

Париж осажден. Пруссаки зажали его со всех сторон. Пройти или проехать через линию фронта невозможно. Париж отрезан от армии, от правительства, от всех провинций Франции. Правительство выехало в город Тур—за четыреста километров от столицы.

Железные дороги перерезаны блокадой. Телеграф не работал—поврежден кабель.

Как наладить почтовую связь осажденного города с правительством, с остальной Францией?

Несколько смельчаков, работников парижского почтамта, вы-

звались доставить в город Тур письма от парижских властей.

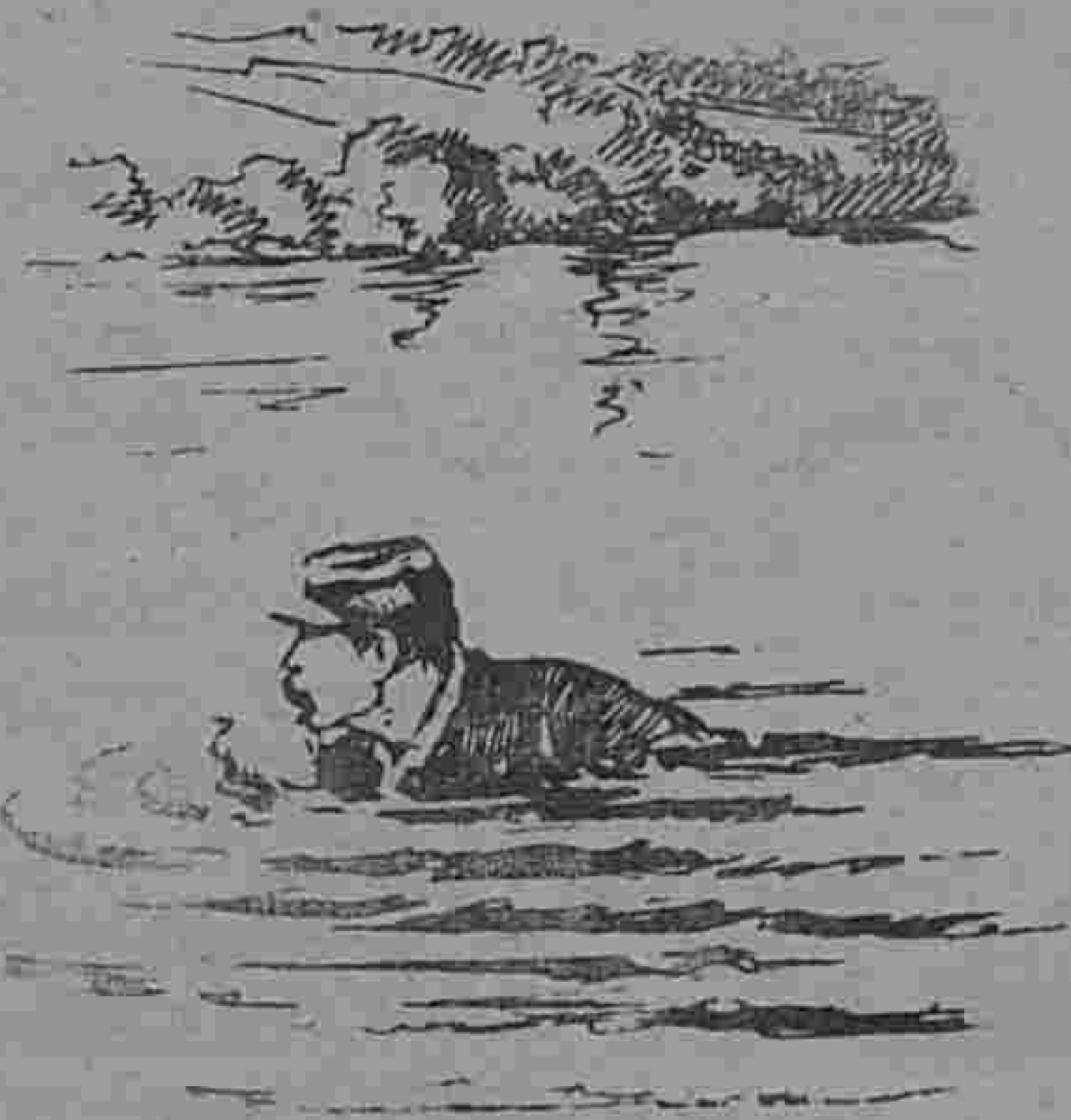
Ползком, прячась за грудками обгорелых зданий, они по ночам пробирались мимо сторожевых постов немецкой армии. Но мало кому удалось миновать вражеское кольцо.

Один такой доброволец, сторож почтового бюро, счастливо доставил в город Тур свои пакеты. На обратном пути он благополучно миновал разъезды пруссаков около Парижа. Ему оставалось переплыть Сену. С мешочком в зубах, в котором хранились правительственные депеши, он погрузился в холодную воду.

— Кто там? — раздался неожиданный окрик.

Сторож молчал. Он бесшумно плыл по реке. Вот-вот он достигнет берега.

В этот миг из-за туч показалась луна. Выстрел, второй, третий и храбрец сражен немецкой пулей. Луна предала его врагам.

Еще несколько почтальонов пытались перейти линию фронта, но все они были перехвачены неприятелем и безжалостно расстреляны.

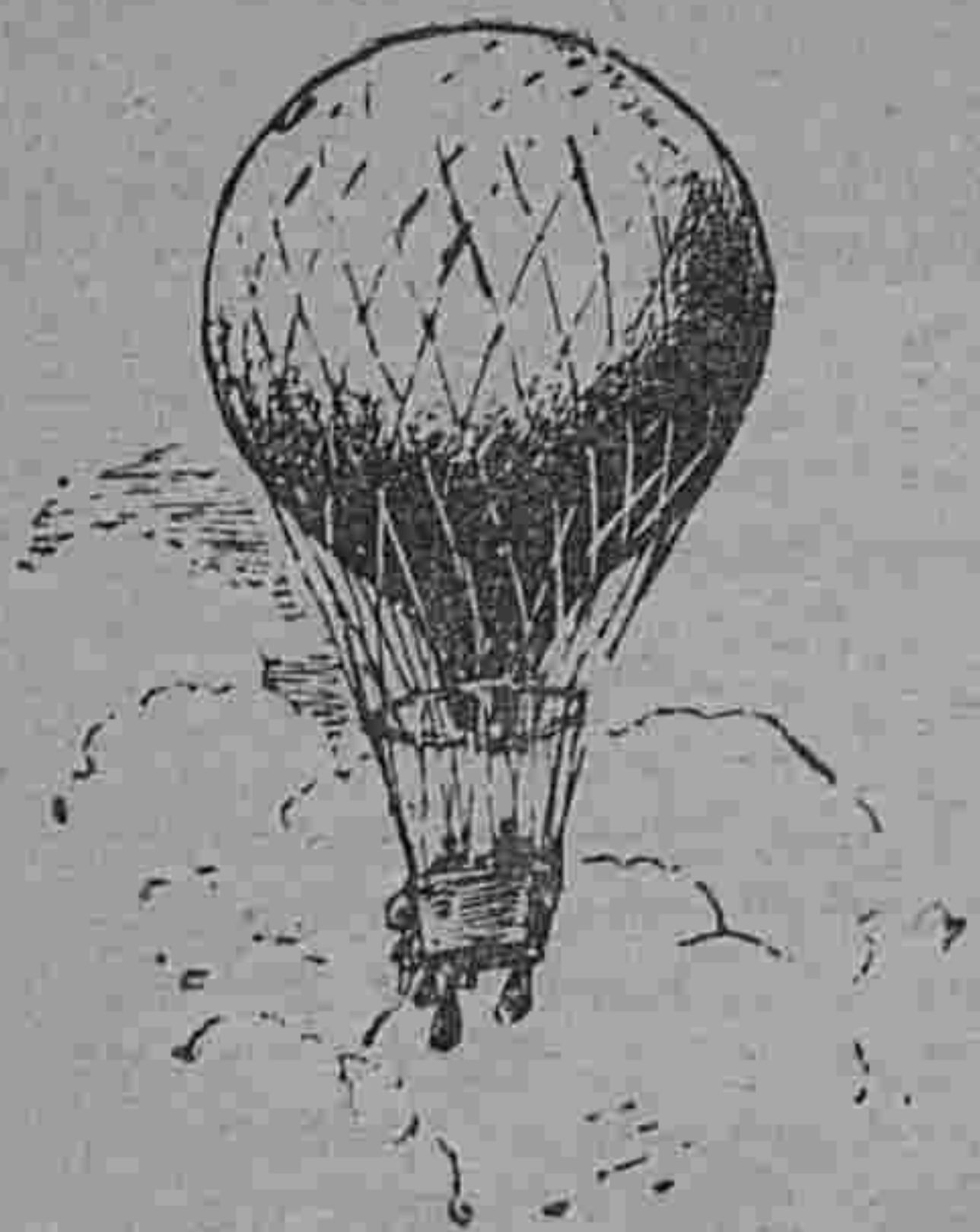
Нет, путь по земле не годился, он был отрезан окончательно.

Но может быть удастся отправить письма по воде, по Сене, на берегах которой стоит город? В особые шары из цинка положили письма и пустили их в плыв по реке. Течение несло их к Парижу. Изобрели даже особые шары с часовым механизмом, который сигнализировал прибытие шара на место. Делалось это так. Рассчитывали время пути до Парижа и заводили часы на этот срок. Как только завод кончался, часы звонили, из шара выскакивал флажок. Так легко было заметить шар и вытащить его из воды.

Но, увы, вместо парижан ловлей шаров с почтой занялись немцы. Они даже не ожидали на берегу каждую такую „сплавную почту“, а поставили поперек реки сети.

Водный путь для почты тоже был отрезан. Но оставался еще один путь, путь по воздуху. Но самолетов и дирижаблей тогда не было. Как же парижане нашли выход из положения? А вот как—с помощью воздушных шаров.

Впервые в истории человечества, здесь, в осажденном городе, устроили постоянную воздушную почту. На двух вокзалах столицы парижане отправляли воздушные шары. Вокзалы остались вокзалами, но вместо поездов в назна-

ченное время отправлялись в путь воздушные шары.

22 сентября 1870 года в 7 часов 45 минут утра из осажденного немцами Парижа вылетел первый воздушный шар. Шар был назван „Нептун“. Огромная толпа народа провожала отважного воздухоплователя.

Через три часа 15 минут „Нептун“ благополучно опустился в городе Кренковилле в ста четырех километрах от Парижа. Шар доставил больше ста килограммов почты.

С этого дня до конца осады Парижа полеты воздушных шаров не прекращались. Всего было отправлено шестьдесят восемь шаров. Они унесли из осажденного города больше десяти тысяч килограммов почты и сто трех пассажиров.

Но не все эти шары достигли цели: пять попали в местности, занятые немцами, два утонули в море, пять отнесло ветром в Бельгию, два — в Голландию, а один опустился даже в Норвегии.

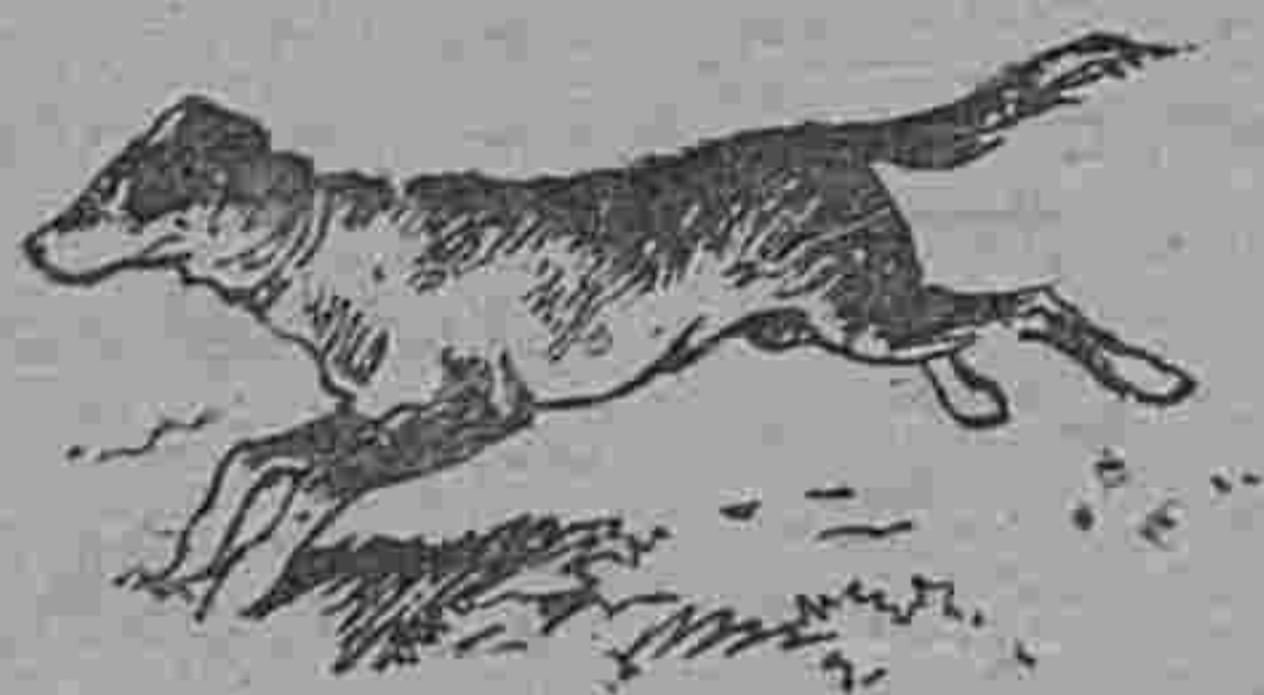
Но как получить ответы на письма, отправленные с воздушным шаром, как узнать, что делается во Франции? Воздушный шар обратно не прилетит. Его не заставишь опуститься именно в Париже. Воздушный шар во власти ветров.

13 января 1871 года на воздушном шаре отправили шесть собак. Животные могли вернуться обратно с письмами в ошейниках. Но ожидания осажденных не оправдались — ни одна собака не вернулась. Что с ними случилось — неизвестно.

И вот тут на помощь осажденным парижанам пришли голуби. Почтовые голуби. По счастью, благодаря предусмотрительности одного чиновника, все парижские почтовые голуби были вывезены в город Тур, как только немцы подошли к Парижу.

Голуби, несущие письма в осажденный город, безошибочно находили дорогу к своим родным голубятням около почтамта.

Сначала пернатые почтальоны обслуживали только правитель-

ственную почту, а на третий месяц осады они уже доставляли и частные письма.

Почтовые чиновники в Туре переписывали при помощи лупы текст писем на маленькие кусочки бумаги. Затем эти кусочки клали в особые трубочки и прикрепляли их к хвосту голубя. Через пять-шесть часов птица приносила на парижский почтамт голубеграмму.

Выход был найден. И вскоре парижане нашли способ посылать с одним голубем много писем. Они стали фотографировать письма.

Письма и депеши наклеивали на кусок картона, затем фотографировали и сильно уменьшали. Так что на маленьком квадратике умещалось сразу множество писем.

28 января 1871 года голубь принес с собой в осажденный Париж целую библиотеку. В трубочке, прикрепленной к хвосту птицы, оказалось восемнадцать тончайших желатиновых листочков, каждый размером пятнадцать квадратных сантиметров. А на этих листочках было заснято не больше не меньше, как сорок тысяч писем правительственных и частных.

Конечно, прочесть такие микрописьма простым глазом было невозможно. Сперва их увеличивали, а потом рассылали по адресатам. Правительственные же депеши немедленно показывали публике в зале почтамта с помощью проекционного фонаря.

С волнением читали парижане на большом белом экране тексты депеш, рассказывающие о том, что делается в их родной Франции. А через час-два уже весь Париж читал новости, принесенные почтовыми голубями, в газетах.

Обратно в город Тур голубей отправляли на тех же воздушных шарах в клетках. А через день-два пернатые почтальоны снова прилетали к своим родным парижским голубятням с обратной почтой.

Вот такими хитроумными способами Париж, осажденный немцами, поддерживал почтовую связь со своей страной, армией, правительством. И немцы, охватившие один из величайших городов мира жестоким кольцом блокады, были бессильны помешать парижанам.

ЗВЕРИ И ВОЙНА

Война отражается на жизни зверей по-разному. Для домашних животных война — это гибель. Вблизи линии фронта пустеют скотные дворы, птичники. Верные друзья человека — лошади и собаки нередко погибают на поле боя.

А дикие звери сравнительно редко погибают от пуль, снарядов и бомб. Напуганные грохотом артиллерийской канонады бегут с театра военных действий волки, кабаны, лисицы, олени.

Мало кто охотится на зверей во время войны, когда все мужчины сражаются на фронте. Да и в местностях военных действий охота обычно бывает запрещена. Поэтому дикие звери во время войны, чувствуют себя в большей безопасности, чем в мирное время. Так, например, в Испании в прошлую

мировую войну кабаны так размножились, что стали бичом населения многих деревень.

Но бывают и исключения. Иногда дикие звери все же становятся жертвами войны. Так пострадали, например, жирафы. Казалось бы это безобидные животные и к тому же они редко встречаются. А именно они жестоко поплатились за свой непомерно большой рост. И знаете почему?

Когда стадо бегущих жирафов встречало на своем пути телеграфные и телефонные линии — животные нечаянно обрывали провода и этим нарушали и телефонную и телеграфную связь. Поэтому обе воюющие стороны истребляли жирафов. Войскам был дан приказ стрелять в каждого жирафа, как только он появится. Так погибли большие стада и без того редких животных.

ТЯЖЕЛАЯ БЕРЕГОВАЯ

Л. УСПЕНСКИЙ

рис. А. Медельского

Ночь тиха и невозмутима. Темна она до полной непроглядности. Глаз не может различить, где кончается берег, где начинается залив.

И вдруг в этом мире мрака вспыхивает как бы мгновенный пожар. Гигантский клуб розового огня, вырвавшись над соснами высоко в небо, на один только миг осветил все на километры кругом. Беззвучное гигантское пламя взметнулось и исчезло. Что это?

Безмолвие еще более непроницаемое, чем раньше, длится пять, десять, может быть, двадцать секунд... А затем сверху на мир словно обрушивается тяжелая глыба. Звук, по сравнению с которым любой громовой удар — ничто, потрясает окрестность.

Далеко вокруг прокатывается по лесам долгий, могучий отголосок. И, сливаясь с ним, точно вырастая из него, тотчас вслед затем доходит другой гул. Похоже, что тяжелый поезд на бешеной скорости уносится за низкими облаками в неизмеримую даль и высь.

Что случилось? Произошла очень простая вещь: одно из тяжелых орудий береговой батареи послало страшный подарок далекому врагу. И можно поручиться: подарок этот прибудет точно по назначению. В этом сплошном мраке зоркий глаз батареи сумел разглядеть противника. Чуткие уши уловили приказ. Гигантская рука швырнула ввысь полтонны стали, сотни кило взрывчатого вещества.

Где-то на морском побережье, словно выполз из воды на сушу и вскарабкался на пригорок огромный боевой корабль. Он сменил свою стальную броню на более толстый и тяжелый слой бетона. Он зарыл глубоко в землю боевые погреба с запасом снарядов, башни орудий, замаскировался, притаился. Вместо подвижного морского корабля люди построили на этом месте окаменелый сухопутный корабль-форт...

Многим за словом „форт“ видится нечто вроде небольшой крепости, каменной или даже кирпичной, с зубчатыми стенами, с многочисленными бойницами, сквозь которые во все стороны „молча чугунные пушки глядят“. Так и было лет сто назад; такими рисовались форты Гибралтара и Сеуты. Но теперь ничего этого нет.

Теперь, собирая грибы или бруснику в прибрежном лесу, вы могли бы десять раз пройти поперек современного форта, так и не отличив его от какой-нибудь рощи возле дачного поселка или полустанка, раскинутого в лесу. Современный форт незрим. Если вас поведет по форту артиллерист, знаток своего дела, ваши глаза разбегутся. Современный форт сложен, как завод, обладающий большими и мощными механизмами, мастерскими, складами. Это фабрика, готовящая гибель каждому, кто подойдет к ней с враждебной целью.

Узкий железный трап в два пролета ведет в маленькое тесное помещение. Низкий свод потолка давит. На крашеных в светлую краску стенах циферблаты разных приборов. Посредине сквозь прорезь крыши поднимается перископ, стерео-труба: два окулярных стекла, как два водянистых глаза, мерцают над небольшим вращаю-

щимся сиденьем. Слева маленький простой стол с картой, логарифмической линейкой, печатными и рукописными таблицами. За столом, на стенке, один телефон, поодаль — другой... Тут же рядом микрофон радиоустановки с целой системой электролампочек. По стенам и по потолку змеятся красные жгуты электропроводки. С ними переплетаются извилистые трубы с медными конусами рупоров на концах — замена телефонам и радио на случай аварии.

Краснофлотец, стоящий рядом с командиром, напряженно прикладывает ухо к самой мембране телефона. Рука командира повисла над лежащим на столе листком бумаги; на нем набросаны условия ожидаемой задачи: обозначено направление, расстояние, цель. Осталось только вписать нужные цифры.

Помощник командира — напротив, держит в руке табличку, аккуратно разграфленную карандашом. На ней километры заблаговременно переведены в кабельтовы, сотни метров — в угловые меры... В решительный миг не должно быть никаких задержек: все должно быть подсчитано. Каждая лишняя секунда в бою может оказаться дороже часа.

Тоненько звонит телефон, крайний из двух. Краснофлотец отзывается: „Батарея слушает... Есть — командира!..“ „Есть!“ — отвечает командир.

Рука его уже быстро выписывает цифры, передаваемые с командного поста соединения: расстояние, направление, угол, под которым надо направить в небо гигантское тело орудия.

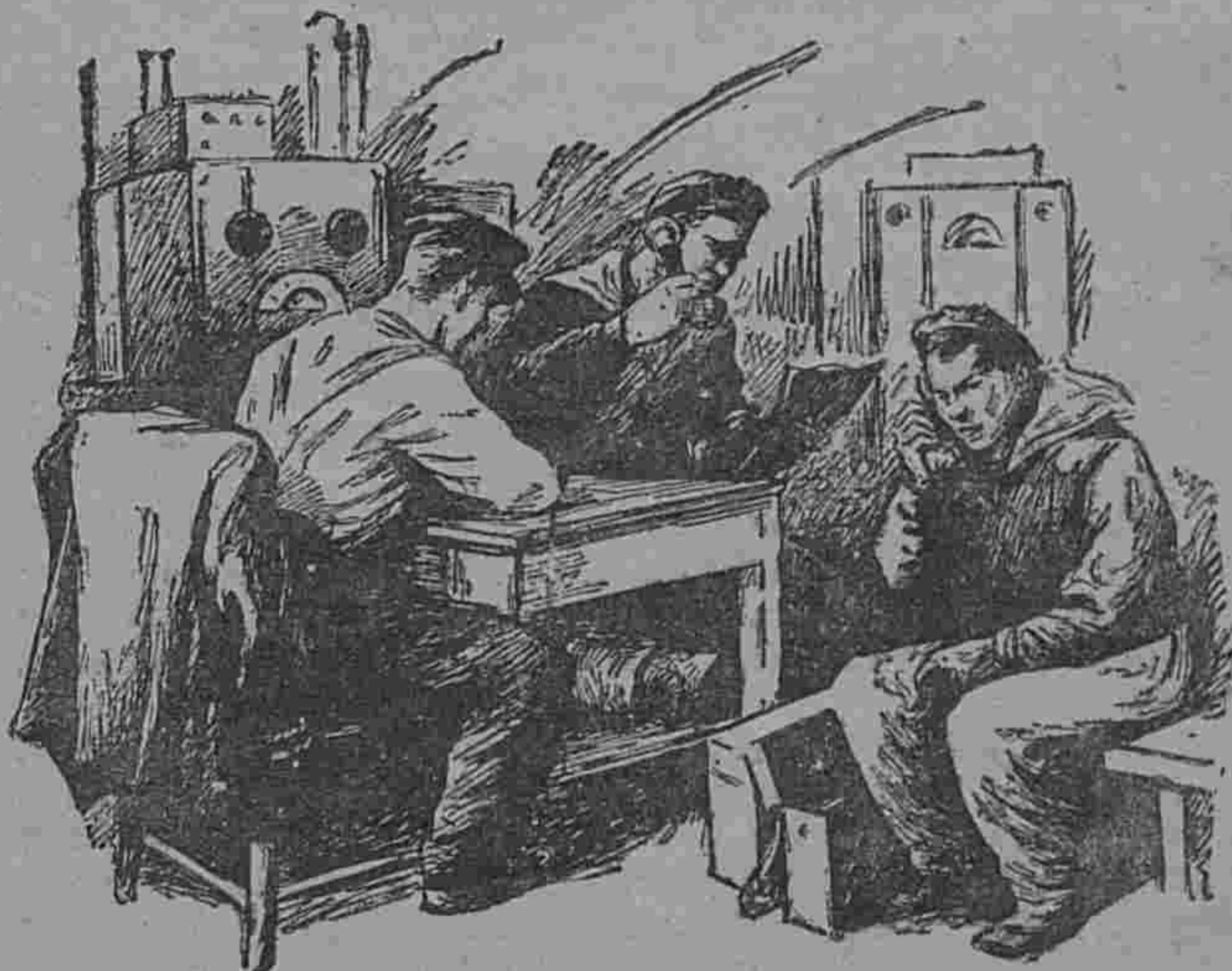
„Метеосводку запросили? — бросает он, не отрываясь от записи и трубки. — Норд-ост, а сила? Проверьте... На какой это высоте? Так. Дайте микрофон. Первая башня...“

Краснофлотец, как самый лучший жонглер, одновременно убирает телефонную трубку, передает радиоаппарат, нажимает контакты контрольных лампочек.

„Стреляет первое орудие! — звонко, но спокойно произносит в приемник старший лейтенант. — Снаряд фугасный. Заряд боевой. Первое орудие зарядить!“

По командному пункту пробегает словно электрический ток. „Стреляет... орудие!.. — доносится издали верный отголосок... — Боевой!.. Зарядить!..“

В боевой башне ярко горит электрический свет. Широко зияет среди стального пола отверстие колодца, ведущего вниз, к подъемнику снарядов. Загляните в него: на глубине, равной высоте двух-

этажного дома, блестит медью лоток приемника, способный без труда подхватить человека.

Над колодцем спереди нависла тяжелая округлая глыба стали. Вы никогда не узнали бы в ней казенную часть орудия.

Стальная глыба оправлена множеством металлических деталей: рычаги, медные цилиндры, какие-то конусы, штурвалы, циферблаты — все это начищено, окрашено, сияет, блестит. Постепенно поднимаясь, наклонный ствол уходит сквозь широкую прорезь куполообразного потолка наружу. По полу вокруг бежит что-то вроде рельсовой дорожки. В нишу стены вжата такая же стереотруба, как на командном пункте. Возле нее, на подвешенном к ней стульчике-седле замер командир башни. Над колодцем у самого орудия застыли, точно бегуны, приготовившиеся к старту, к первому броску, комендоры. И все это, словно в зеркале, повторяется за толстой стальной переборкой: там второе орудие этой же башни, этого же командира...

Приказ с командного пункта по проводам и переговорным трубкам добежал сюда, повторен здесь, принят: „Стреляет первое орудие. Первое орудие зарядить!“ Приказ передают в погреба. Зажурчали тележки подачи, забряцали цепи талей, подхвативших и несущих огромный груз снаряда. Быстро и точно, не задерживаясь ни на миг, стальной цилиндр двинулся по предназначенному пути. Ему на этот путь отпущены жесткие пределы времени — не более долей минуты.

Снаряд давно нырнул в казенник. „Полузаряды“ прильнули к нему. Хобот орудия направлен точно: он смотрит в хмурое ночное небо, в низко несущиеся над землей облака. Он полетит к врагу по крутой дуге, заберется в те слои воздуха, куда не поднимался еще ни один стратостат, и в конце своего шумного пути с дикой силой обрушится на вражеские батареи.

Замок закрыт. Запал вставлен на место.

„За-а-алл!“ Дребезжит предупредительный звонок. Секунда... Воет ревун... Комендор нажал ногою педаль. Страшно охнуло и опустилось все вокруг. Ночь озарило розовым огнем. Тело орудия неудержимо и важно откатилось назад. Снаряд ушел к противнику.

Но он не успеет пройти и половины своего головокружительного пробега, как второй снаряд уже покорно ляжет на его место.

Сегодня батарея стреляет по невидимым целям. Вносить поправки, менять прицел помогает батарее ее недремлющее око.

Темнота. Тот же дождь. Те же холмистые русские поля. Небольшие, спрятавшиеся в лощинах перелески поблизости, дремучий сырой лес на горизонте.

На бугре у ближней деревни поднялись рядом четыре красавицы липы. Две липы соединены грубо сколоченными досками. Этот помост замаскирован свежими ветвями. По стволу ползут провода полевых телефонов: два аппарата укреплены в развилках ветвей. Стоит, устремив сквозь листву ветвей свои вытарщенные стеклянные глаза, оптический прибор. На полу, в сторонке, разостланы карты, такие же, как и на батарее. На старой липе, за много верст от орудий родной батареи вот уже две недели таится и работает отделение артиллеристов-наблюдателей. Береговая батарея выдвинула свой глаз к самому фронту.

Наблюдатели знают каждую складку местности, каждый куст, измерили все расстояния между ними, запомнили все контуры и, кажется, навсегда навеки запечатлели их.

Телефониста бьет легкая дрожь. Дрожь нетерпения. Раз скомандовали „к бою“, значит — скоро. „Старшина, залп! Залп командуют!“ — вдруг нервным шопотом вскрикивает телефонист.

Старшина еще плотнее прижал глаза к окулярам. Ночь темна, глуха, безмолвна. Молчит напряженно все кругом. Десять секунд, двадцать двадцать пять... Потом издали, сзади доносится слабый гул... „Идет!“

Гул нарастает, переходит в скрежещущий вой. Целая буря, несущаяся откуда-то сверху.

Ослепительный блеск. Резкий до боли удар. В мгновенном пламени перед глазами старшины на единый миг вырывается из мрака поваленный плетень, ручей у придорожного мостика...

„Вправо двести!“ — задохнувшись, кричит старшина. — Передавай! Вправо двести. Недолет — сто пятьдесят! Передал? Дай мне трубку...“

Он взволнованно, но ясно передает в тыл результаты своих наблюдений. Там, под бронированным куполом поста, командир батареи мгновенно превращает и этот поваленный плетень и идиллический мостик на ручье в двухзначные и трехзначные числа, в десятичные дроби, в углы наклона и направления.

Бойцы электромеханической роты дают ток: механизмы приходят в еле заметное движение. Бойцы боевого отделения ставят на притертые стальные площадочки на теле орудия цоколи хрупких и точных инструментов. Огромный хобот легко и покорно отклоняется на предназначенные градусы и минуты...

А по другую сторону от четырех лип, в русской осенней ночи, возле русской деревушки слышатся испуганные немецкие возгласы, крики, стоны раненых, проклятия.

Два снаряда врезались в самую середину неподвижной танковой фашистской колонны. Колонна перестала существовать.

Ю В Е Л И Р Н А Я Х И Р У Р Г И Я

Когда прибывших с фронта раненых выносят из поезда на носилках, это никого не удивляет.

Но когда однажды из вагона вынесли большое корыто с водой, а в нем человека, завернутого в мокрые простыни, с повязкой на глазах и в наушниках, все изумились.

Но сотрудники невро-хирургического института, куда доставили необычного раненого, приняли это как должное.

Такие пациенты были не в диковину. Иногда в институт приходили бойцы, которые могли двигаться, только налив воду в сапоги или завернув руки во влажные повязки.

Врачи института знали: у таких раненых повреждены нервы, заведующие проявлением жизни кожи, костей, регулирующие приток крови. И при этих поражениях всякое внешнее раздражение — свет, прикосновение, звук — все вызывает жгучую боль. Боль остается и тогда, когда сама рана давно уже зажила.

Такие поражения нервов врачи знали очень давно. Но долгое время они были бессильны помочь больному, не умели прекратить или ослабить его страдания. И, верно, как излечить больного, у которого поражен нерв, который, разветвляясь, распадается на множество тончайших нервных волокон?

Знаменитый русский врач профессор Бехтерев не был хирургом. Но в России именно он впервые высказал мысль о том, что в этих случаях следует перерезать пораженный нерв.

Но честь первых операций принадлежит не Бехтереву. Это заслуга наших советских невро-хирургов: профессора Поленова и доктора Бондарчука, руководителей невро-хирургического института.

Операция состоит в том, что нерв перерезают около самого позвоночника, там, где он не распался еще на множество волокон. Это очень сложная и рискованная операция. Хирург делает надрез, дли-

ною в 5—6 сантиметров, около шеи, в области ключицы. И потом он погружает свой скальпель на глубину до двенадцати сантиметров.

Сколько опасностей, смертельных для жизни раненого, таит каждое движение хирурга.

Если поранить хоть один кровеносный сосуд — сонную или подключичную артерию, или яремную вену, человек неизбежно умрет от кровотечения. Если поранить блуждающий нерв, у больного остановится сердце. Нельзя поранить и легкое, а оно так мешает хирургу: легкое ни минуты не находится в покое — оно дышит.

Трудно и опасно добираться до звездчатого узла, около которого надлежит перерезать нерв. Понятно, что раньше эта операция считалась очень рискованной. Ведь она требовала великого мастерства, изощренного знания анатомии, умения точно, до миллиметра рассчитывать каждое движение. Поистине нужна техника ювелира, чтобы излечить больного от нестерпимых болей.

И таким искусством операций овладели наши советские невро-хирурги. И не только руководители института, но и их ученики, которые выполняют свою благородную работу в военно-полевых госпиталях, в больницах глубокого тыла.

Но заслуга невро-хирургов несоизмеримо больше. Они излечивают людей с поражением мозга, людей, у которых в результате ранения или контузии образовались опухоли мозга.

А как сложно и опасно оперировать мозг! Ведь мозг управляет всей жизнью человека. В нем сосредоточены нервные центры, которые ведают движением, дыханием, мышлением — всеми проявлениями жизнедеятельности человека.

В дни отечественной войны в институт поступает множество бойцов, нуждающихся в искусстве невро-хирурга. И больные не только поправляются, многие из них возвращаются на фронт.

И как ни трудна была ленинградская зима 41—42 года, институт не прекратил своей работы ни на один день. И не только раненые получали здесь необходимую помощь: здесь учились, совершенствовались молодые врачи, чтобы овладеть искусством ювелирной хирургии.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Ненависть. Стих. Б. Лифшица. Рис. С. Мочалова	1	Уголок веселого архивариуса	1
Мальчик из Севастополя. Расск. Е. Бороиной. Рис. Н. Петровой	2	Немец по неволе. Расск. Г. Алехина. Рис. Г. Фитингофа	17
Генерал Брусилов. Очерк А. Рельмана. Рис. Н. Полозова	5	О смелых и отважных	19
Гвардии сержант Михайло Щепотьев. Гл. инк. Рис. Г. Петрова	7	Молодец, Макаров! Евгений Федоров	19
Рассказы на пионерском сборе:		Сильнее смерти. Илья Бражнин	19
Почему мы ненавидим фашистов. Беседа капитана И. Грачева. Рис. Г. Фитингофа	10	Вестники осажденного города. Очерк. Е. Бороиной. Рис. А. Медельского	20
На побережье. Стих. А. Олицкого. Рис. Г. Петрова	12	Звери и война	21
Цветы тетушки Жанны. Расск. К. Меркульевой. Рис. К. Рудакова	13	Тяжелая береговая. Оч. рк. Л. Успенского Рис. А. Медельского	22
Несбывшийся план. Рис. Н. Петровой	14	Ювелирная хирургия	24
Коварный враг. Расск. М. Зощенко	15	На море и суше. 2-я страница обложки	
		Юные Ленинградцы. 3-я страница обложки	
		Кем я стану. Стих. В. Зуккар—Невского. Рис. В. Ботаник. 4-я страница обложки.	

На обложке рисунок. Г. Петрова. „Богвая еашта“.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. ПРОЛЕТКУЛЬТА, 2.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Отв. редактор А. ГОЛЬДИН.

№ 7-5885

Зам. отв. ред. Н. ТЕРЕБИНСКАЯ.

РОЖДЕНИЕ комсомольской ячейки

С началом войны многие комсомольцы 239-й школы ушли на фронт, на производство, уехали из Ленинграда. Так осталось всего две комсомолки, да и те весной уже окончили школу.

Настало лето и учащиеся старших классов 239 школы, как и все ленинградские школьники, поехали на огородные работы.

Работать пришлось в подсобном хозяйстве одного из ленинградских заводов.

Много нашлось тут для ребят работы: одни строили бараки, помогали на кухне, на газогенераторной установке, а большинство работало на самом огороде. Приходилось пропалывать гряды, разрыхлять землю, окучивать, подкармливать, поливать будущие овощи.

Работали школьники дружно, весело. А некоторые — ударники — обычно выполняли больше полуторы нормы.

Приближалось окончание работ. И тогда пятнадцать лучших производственников-школьников, которых хорошо знали в подсобном хозяйстве, школьников, которыми могли гордиться их товарищи, по-

дали заявление о приеме их в комсомол.

Торжественный день настал.

Весь лагерь готовился к этому дню. Ведь в этот день старшие, лучшие товарищи должны были получить комсомольские билеты.

Еще с утра в лагере кипела работа. Помещение клуба — просторный сарай — украшали цветами, гирляндами. На стены вешали плакаты, лозунги, столы накрывали скатертями.

И вот, наконец, все было готово. Тогда в клубе собрались представители от райкома комсомола, директор и парторг подсобного хозяйства, начальник и комсорг лагеря.

А потом каждый из подавших заявление беседовал с собравшимися; ему задавали вопросы, давали оценку его работы, его отношения к товарищам и младшим, участию в общественной жизни лагеря.

Из клуба ребята выходили счастливые, радостные. Они выходили уже комсомольцами, с новеньким комсомольским билетом в руках.

Так на огородах родилась комсомольская ячейка 239 школы.

Потом школьники возвратились в Ленинград. И комсомольцы, те самые ребята, которые еще весной носили пионерский галстук, теперь помогают школе воспитывать пионеров. В 239 школе теперь есть своя комсомольская ячейка, которая энергично и дружно, как и летом, работает, помогает школе воспитывать младших.

НА ОБОРОНЕ ГОРОДА

Город Ленина — город фронт. Ленинградцы, защищая свой город, не жалея сил и трудов возвели вокруг него сеть мощных укреплений.

И в этом им помогали ребята, которые работали на заводах и в учреждениях. И многие подростки проявили себя отличными, инициативными работниками.

Вот, например, ученик-токарь Вася Болденков не только сам хорошо работал, но умел так расставить своих товарищей, что всякое дело у них спорилось. И вскоре Вася стал бригадиром и получил премию.

В другой бригаде работали две школьницы-подруги — Надя Соловьева и Тамара Киреева.

Отец Тамары — лейтенант Красной Армии погиб на фронте.

Это была тяжелая утрата для девочки, но горе не сломило ее. Она решила помогать по мере сил Красной Армии, и пошла на строительство оборонительных укреплений.

Вскоре Тамара стала бригадиром, и ее бригада выполняла в день не меньше двух норм.

Даже маленькая Надя, ее подруга, оказалась отличным помощником бригадира.

Юная Клавдия Евдокимова была ранена осколком снаряда во время работы на строительстве. Но когда поправилась, она снова вернулась на ту же работу.

Когда же по настоянию врача Клаву перевели на работу табельщика, она сумела так организовать работу в бригадах, что на ее участке никто никогда не опаздывал с началом работы и поэтому работы заканчивались быстрее, чем в других бригадах.

Так юные ленинградцы, как истые патриоты, помогали взрослым возводить неприступные укрепления.

★

Балтика

Виден флаг впереди,
Сердце бьется в груди —
Это наша, балтийская сила.

Бьемся мы в небесах,
Бьемся мы на волнах —
Там и здесь для фашистов могила.

Будь, моряк, впереди,
И врага не щади
И в бою не жалея своей жизни.

В мощных волнах крови
Ты врага раздави
И отбрось от родимой отчизны.

★

В. Кайцер, 11 лет.

13-305 Ж

2 Цена 4 р 92-3/8

29

41

Кем я стану?

В. ЗУККАУ-НЕВСКИЙ

Дела много на примете,
Но, не знаю почему,
Только больше всех на свете
Я завидую — кому?

Кто по морю храбро рыщет
У далеких берегов;
Кто в густом тумане ищет
Притаившихся врагов;

Даль морей кому знакома,
Кто ночной несет дозор;
Кто огромный — выше дома —
На врага ведет линкор;

Кто фашистских бьет пиратов
На краю родной земли;
У торпедных аппаратов
Подает команду: „пли!“

За врагом следя проклятым,
Кто к орудию приник;
Треплет ветер над бушлатом
Бело-синий воротник.

Плеск Невы почти у дома;
Каждый вырос у воды!
Понемножку нам знакомы
Мореходные труды:

На байдарках мчимся смело
И Неву переплывем...
Изучать морское дело
Мы в училище пойдём.

Боевому капитану
Всех морей простор знаком...
Кем я стану?
Кем я стану:
Ну, конечно, моряком!

34

Лж 49

1948 г.
Д. АНТ Ж-83/19